

ЕСТЬ ТОЛЬКО МИГ...

...НАЗЫВАЕТСЯ
ЖИЗНЬ

ЛАРИСА МАТРОС

книга 2

Дилогия «Есть только миг...» — это своего рода сага о судьбе семьи прекрасной женщины-умницы красавицы, интеллектуалке — и ее двух подруг, жизненные пути которых пересекаются с раннего послевоенного Одесского детства до наших дней, что влечет для них и счастливые, и трагические последствия. Ключевыми событиями, перекраивающими судьбы основных персонажей дилогии, являются печально известные дни путча августа 1991 года в России и теракт 11 сентября 2001 года в США. Обе книги заняли 15 лет труда автора и изданы с разницей в 7 лет, на расстоянии, разделенном океаном: «Презумпция виновности» 2000 г.; «...Называется жизнь», 2007 г. Все вымышленные персонажи обоих романов — собирательные образы, их судьбы, жизненные и творческие пути (в том числе главной героини), не идентичны судьбе и жизненному пути никакой конкретной, реальной персоны.

Название второй книги дилогии «Называется жизнь» взято из слов известной песни: «Есть столько миг между прошлым и будущим, Именно он называется жизнь», так как содержит обобщение того, каким же явится для героев этот «миг между прошлым и будущим», к которому они шли на протяжении более тысячи страниц обоих

романов.

Роман начинается с событий, которые происходят в жизни героев через 7 лет, в течение которых главная героиня с семьей (после перипетий описанных в первой книге) обосновалась в США. Здесь наряду с персонажами первой книги появляются новые, яркие личности, которые во многом определяют судьбы героев спустя семь лет. Среди них соотечественники: Данила Иванович, Рита, Грегори, американец Майк и другие. На примере переплетения их судеб предпринята попытка дать обобщение о той цене, которую вынуждены порой платить в эмиграции представители интеллигенции и в частности, ученые-гуманитарии.

Лариса Матрос ...НАЗЫВАЕТСЯ ЖИЗНЬ Социологический роман

Берега, берега,
берег этот и тот,
между ними река
моей жизни,
Между ними река
моей жизни течет

(Из репертуара А.
Малинина, песня
«Берега», автор текста
Юрий Рыбчинский)

*«...не забывай: ты
навсегда в ответе за
всех, кого приручил»*
(«Маленький
принц». Антуан де
Сент Экзюпери)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Итак, дорогой читатель, тебе предстоит снова окунуться в наполненные радостями и горестями события нескольких лет жизни героев моей предыдущей книги «Презумпция виновности».

Так уж повелось у людей с необозримых времен — заводить календари, чтобы исчислять течение жизни, распределять ее по датам. И, безусловно, это нужно для ведения хронологии событий, подведения итогов, для анализа прошлого и составления прогнозов на будущее. И потому дат у каждого из нас всегда много. Но в том-то и дело, что даты датами, а жизнь-то одна и едина, как бы мы ее ни делили и ни распределяли. И так хитро она устроена, что мы не можем начать какой-либо новый ее этап с абсолютного нуля, ибо никогда невозможно перечеркнуть то, что было за линией, которую мы перешагнули в устремленности к переменам. При сильном старании можно уйти от всего и от всех в прошлом. Трудно, но можно. Но вся суть в том, что ни при каких условиях нельзя уйти от самого себя. Это объективная реальность, не зависящая от нашей воли и сознания.

И ты, читатель, в этом еще раз убедишься, соприкоснувшись с перипетиями судеб героев на представленном в этой книге этапе их жизни. Они разбросаны по разным берегам океана, по разные

стороны планеты, разделены друг с другом и со своим прошлым немалыми масштабами в пространстве и во времени. Но ничто не может оборвать прочные нити, связующие все жизненные этапы и коллизии в то единое целое, что мы и величаем словом: «судьба».

«Презумпция виновности», как знает каждый, кто ее читал, заканчивалась вопросом.

Это был естественный этап моих «фантазий» на темы, которым была посвящена книга. И когда во время презентаций, на творческих встречах, в традиционных (бумажных) и электронных письмах читатели меня спрашивали, что будет с героями дальше, я еще не была готова дать ответы.

Но эти твои вопросы заставляли, требовали, стимулировали накапливать опыт и знания о жизни в Америке, и в том числе о жизни разных слоев наших соотечественников здесь, и, естественно, следить за всем, что происходит в России и в мире. И вольно или невольно я постоянно «включала» моих вымышленных героев в реальность, в достижения и потрясения современности. И когда что-то в моих обобщениях «настоялось», я позволила взять на себя смелость ответить на вопрос: «А что будет с моими героями?» после событий в их жизни, которыми завершается «Презумпция виновности». И хотя, как и в первой книге, в этой — все персонажи вымышлены и

собирабельны, они, как и то, что с ними происходит, основаны на исследованиях реальных прототипов людей и сюжетов из их жизни.

Тебе, дорогой читатель, судить о том, что у меня получилось, насколько оно достойно твоего внимания. Но для автора творческий процесс как таковой самоценен. И спасибо тебе за то, что ты меня вдохновил на этот труд!

Лариса Матрос

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Небо покрылось темными тучами и отражалось в воде леденящей сталью. Волны, начав игриво щекотать борта корабля, очевидно, остались недовольными его неуязвимостью. Потому они с нарастающей агрессивностью беспощадно били судно, заставляя его наклоняться в разные стороны до угрожающего ему и обитателям уровня...

Внезапный шторм сменил у пассажиров одержимость в преодолении страха на апатию. И если в начале пребывания здесь они избегали общаться и смотреть в глаза друг другу, словно стыдясь того, что с ними произошло, то теперь

всячески демонстрировали свою общность, взаимопонимание и молчаливое соглашение не впадать в панику. Вопреки угрозам моря, они расположились в большом центральном салоне, обсуждая насущные проблемы России и ее будущего.

Инга Сергеевна стояла одна у окна закрытой палубы. На ней было длинное шерстяное черное с белой отделкой платье, которое подчеркивало стройность и грациозность ее великолепной фигуры. В тон платью были белые шнурованные полусапожки, белая с черной отделкой сумка. Завершала туалет черная, окантованная белой лентой шляпа с большими полями, которые отчетливей вычерчивали ее красивое лицо с мраморной кожей и большими сине-зелеными глазами, окаймленными длинными, черными, как и волосы, ресницами.

Она смотрела на море с ощущением обреченности, в котором уже не было места страху. Выросшая у моря, она с детства знала, что нельзя долго смотреть с корабля на волны во время шторма, чтобы избежать головокружения и тошноты. Но она отрешенно смотрела в окно, демонстрируя морю, что готова отдаться во власть судьбы.

Она не могла не видеть, что пассажиры, с которыми она оказалась на этом корабле, с

завидным самообладанием расположились в салоне и ведут беседы. Ее манила эта компания, но она не решалась присоединиться к ним.

Это был цвет российской интеллигенции из разных сфер общественной жизни и знаний, в том числе и ярчайшие представители философской мысли XX века: Н. Бердяев, Н. Лосский, С. Булгаков... многие, многие другие, и в том числе наиболее знакомый ей своими трудами известный социолог Питирим Сорокин. Инга Сергеевна знала, что они здесь в связи с высылкой из России. Эта высылка — наказание, заменившее расстрел.

Когда-то Инга Сергеевна готовила доклад «Об ответственности общества перед интеллигенцией и ответственности интеллигенции перед обществом» для выступления на философском семинаре по приглашению академика Остангова в институте, который он возглавлял. При подготовке к докладу перечитала массу литературы по теме, в том числе и сюжеты, которые в деталях открыли драматизм тех событий. В статье М. С. Геллера в журнале «Вопросы философии»? 9, 1990 г. были такие слова: «Один из высылаемых вспоминал, что при посадке на пароход на лицах провожающих было изумление и тоска: ни один человек, как и мы сами, не мог, по-видимому, понять смысла нашего странного наказания — высылки за границу, — в то время, когда каждый почел бы для себя за спасение уход

из советского эдема».

В этом был парадокс их трагедии, вспоминала Инга Сергеевна свои тогдашние записи: «Каждый почел бы за спасение уход из советского эдема», в то время как каждый не хотел уезжать из страны, потому что думал не о своем личном спасении, а о спасении всего Отечества от тех бед «советского эдема», которые им уже виделись тогда, потому что глубокие знания, исследования и понимание того, что происходит, позволяли им быть провидцами. Именно потому эта «высылка-спасение» была наказанием, как с позиции высылающих, так и с позиции высылаемых.

В памяти воскресли те дни, когда социологи, в силу открывшихся в хрущевскую оттепель возможностей, энергично принялись изучать еще недавно недоступные труды многих из присутствовавших на корабле. Однако и тогда, в середине шестидесятых, нереальность достижения подлинной свободы стала проявляться в нападках со стороны блюстителей «принципов» на тех социологов, которые пытались «теорию стратификации» Питирима Сорокина считать более достоверно объясняющей социальную структуру общества, чем марксистская «теория классов». Обращение же к идеям философа по теории конвергенции вообще считалось почти крамолой.

И вот она здесь, вместе с ними, с этими

знаменитостями, с которыми можно непосредственно пообщаться. Она и сама много усердия отдала гуманитарной науке, будучи юристом, социологом, доктором философии... У нее есть о чем поговорить с ними... Но все дело в том, что она знала их, а они ее — нет. И ее останавливала неуверенность в том, захотят ли они с ней общаться. Пути, приведшие их на этот корабль, были разные: они — высланы, высланы государством в лице высших представителей власти, по спискам, контролируемым самим Лениным, а она здесь — добровольно, по собственному решению. И ей казалось, что узнай это, они ни за что не захотят общаться с ней.

Инга Сергеевна уже не понимала, от чего плохо себя почувствовала — то ли от качки, то ли от глубокого душевного дискомфорта и отчаянного одиночества. Головокружение, тошнота вынудили ее все же покинуть палубу и расположиться на диванчике другого маленького салона, где она снова оказалась одна. Она облокотилась на мягкую спинку, закрыла глаза. Через какое-то время вздрогнула, сообразив, что качка погрузила ее в дремоту, которая только усилила плохое самочувствие.

Никого не было вокруг, чтобы попросить хотя бы стакан холодной воды, потому, преодолевая физиологический дискомфорт, она решила снова

вернуться на ту же закрытую, но прохладную палубу. Идти было трудно, и от падения ее спасла большая бочка, за которую она ухватилась. Остановившись, она с опаской глянула в окно. Корабль еще сильно качало, но нельзя было не заметить, что солнце, преодолевая натиск облаков, возвращало морю присущий ему сине-зеленый цвет и умирало его свирепость. Теперь уже казалось, что игра океана с кораблем была затеяна для того, чтобы взбодрить его томящихся пассажиров. А волны, словно недовольные тем, что использованы впустую, нехотя отступали, отплевываясь все меньшей силы плевками...

Инга Сергеевна стала смотреть по сторонам, чтобы разглядеть поблизости место, где бы можно было присесть, и увидела приближающегося стройного мужчину примерно возраста Иисуса Христа. Он был строен и привлекателен. Тщательно зачесанные вверх волосы красиво обрамляли большой лоб и подчеркивали правильность черт лица. А очки и отогнутые на темный пиджак кончики воротничка белоснежной сорочки придавали всему облику незнакомца строгость и академичность. Вдруг Инга Сергеевна сообразила, что это не кто иной, как Питирим Сорокин. Глубокий взгляд его умных, пытливых глаз, казалось, был устремлен на нее и вызвал чувство страха из-за того, что он потребует объяснения, как

она оказалась на этом корабле.

Она мгновенно повернула голову в противоположную сторону, делая вид, что не придавала значения появлению на палубе незнакомого ей человека.

Но что-то невероятное произошло в этот момент. Острое чувственное ощущение словно поглотило все ее тело и исстрадавшуюся душу. Она застыла, не желая шевельнуться, дабы не нарушить это волшебство душевного и телесного состояния. Голова продолжала кружиться, но это было иное, чем от качки, головокружение. Это было головокружение от всепоглощающей любви и ощущения себя любимой. Затем она почувствовал, что тихо, осторожно поворачивается в кругу замкнутых сильных рук мужчины, обнимающего ее со спины.

Оказавшись с ним лицом к лицу, она остановилась и хотела ему что-то сказать, но горло не реагировало на ее усилия. Что-то мешало ему издавать звуки. Она смотрела в глаза хорошо знакомого и в то же время неизвестного мужчины и ощущала все большее растворение своего тела в нем. Тут она почувствовала, что может все же заставить горло с нежностью произнести его имя, но оно показалось каким-то неадекватным назначению. Для официального и непривычного — Питирим — она не могла найти ласкательного

эквивалента и потому молча уткнула лицо в его плечо и заплакала слезами любви, на которую, считала, уже не была способна.

— Не надо, не надо плакать, — произносил он, прижимая свою щеку к ее щеке и все крепче обнимая ее. — Все будет замечательно. Мы все преодолеем. Ничто не пропадает в этой жизни. Все, что в нас есть, наши знания, наш опыт, трудолюбие — все еще послужит нам и людям, человечеству. Я уверен в этом. — Он остановился. Затем тоном, каким взрослые рассказывают детям сказки и разные истории, продолжил, еще сильнее прижавшись щекой к ее щеке. — Я знаю, почему ты не решалась с нами общаться.

Ты считаешь, что мы попали сюда разными путями. Нас выслали, выставили, а ты — сама, добровольно. Но это неверно. Ты заблуждаешься. Тебя тоже выставили, только в другой форме, не так явно.

Эмиграция в большинстве случаев — это высылка, потому что она является следствием причин, которые тебя выталкивают, если не силой, как нас, оказавшихся на этом корабле, то общим потоком неудовлетворенных жизнью, не видящих перспектив, запуганных разного рода войнами, конфликтами. Но какими бы путями ни оказались эмигранты на чужой земле (высланными, бежавшими или уехавшими добровольно),

эмиграция — это всегда риск, всегда преодоление, требующее огромных усилий, смелости и дерзости. Это всегда ломка привычных стандартов жизни, к которым привык, адаптация к новому образу жизни, культуре, языку общения.

Сколько страданий претерпели представители высшего российского общества, его цвет, вытолкнутые большевистским переворотом? А сколько пришлось преодолеть первым американским поселенцам, так называемым пилигримам, которые бежали в Америку от религиозных преследований последователей протестантской религии в Англии, чтобы жить свободно! Около половины из них умерло в первую тяжелую зиму на новой Земле, где они закладывали основы демократического устройства общества.

— Он остановился, повернул голову к морю, которое все более умиротворялось, и, устремив взгляд куда-то вдаль, продолжал тоном философа-мудреца, к которому устремлены взгляды огромной воображаемой толпы слушателей. — Эмиграция — это часто поиск спасения, пути выживания не только в физическом смысле этого слова, но и дерзновенный поиск нравственно-духовного выживания, которое дает свобода... «И... что бы ни случилось в будущем, я знаю теперь три вещи, которые сохраню в голове и сердце навсегда: Жизнь, даже самая тяжелая, — это

лучшее сокровище в мире. Следование долгу — другое сокровище, делающее жизнь счастливой и дающее душе силы не изменить своим идеалам. Третья вещь, которую я познал, заключается в том, что жестокость, ненависть и несправедливость не могут и никогда не сумеют создать ничего вечного ни в интеллектуальном, ни в нравственном, ни в материальном отношении...»

Для Инги Сергеевны было очень важно то, что говорит авторитетнейший философ. Он словно отвечал на мучившие ее вопросы. Но сейчас... сейчас она не хотела отвлекать свои эмоции от ощущения блаженства в его объятиях. Сейчас он был для нее только мужчиной, которого она желала как женщина. Она слегка отстранилась, высвободила руку, прижатую к его груди и, выражая взглядом всю жажду любви, нежно прислонила ладонь к его губам. И он, поняв ее... замолк, еще сильнее прижавшись к ее телу, покрывая поцелуями губы, шею, каждую частичку ее лица. Когда его губы коснулись ее глаз, они показались столь горячими, что она сильно зажмурилась...

* * *

ИНГА сильно зажмурила глаза, затем открыла и снова закрыла, чтобы не притупить всю остроту

счастья от близости с мужчиной, который, казалось, явился к ней для того, чтобы вознаградить тем, для чего только она, быть может, была создана, но чего недополучила в жизни, — подлинной любовью.

Она протянула руки к его лицу, которое хотела приблизить к своему, но с ужасом ощутила пустоту. Руки ее поднимались и падали, не найдя того, к чему были устремлены. Она испуганно открыла глаза, снова зажмурила их и вдруг поняла, что жар глазам сообщали не губы влюбленного в нее и любимого ею мужчины, а назойливый луч солнца. Она уткнулась лицом в подушку, которую отчаянно начала избивать кулаками, и, устав, заплакала.

Она заплакала жалобно, как ребенок, у которого внезапно из ручки вырвался любимый воздушный шарик. Явь неотступно заявляла о себе, но ни тело, ни душа не хотели расставаться с волшебным сном и были охвачены сексуальным возбуждением.

Инга с ненавистью глянула на окно, пропустившее этот неуместный, нахальный луч-разлучник и пожалела, что не зашторила на ночь окна. Она обычно не затемняла их (обрамленные с обеих сторон тяжелым гобеленом) с ранних весенних дней, так как бодрость, прилив энергии придавало пробуждение от естественного света, особенно, когда оно озарено лучами солнца.

Уже семь лет она не должна была отправляться рано утром на работу или по общественным делам, но с привычной всю жизнь обязанностью вставать рано так и не рассталась. В отличие от предыдущей активной научной и общественной жизни в России, здесь, в Америке, Инга могла себе позволить не подстраховываться «беспардонным» будильником, а для пробуждения надеяться только на утренний свет, появляющийся в окне в соответствии с вечными законами природы.

А сейчас она ненавидела это установленное ею правило и, вопреки своим материалистическим взглядам, непременно хотела вернуться в сон, так как была еще полностью во власти того, что испытала в нем. Она вскочила с постели и с остервенением задвинула светонепроницаемые шторы, в результате чего спальня погрузилась во мрак. Она тут же улеглась в постель, накрылась с головой одеялом и замерла с неукоснительной верой, что погрузится в этот же сон. Но, вопреки ее желанию окунуться в мистику, пробуждение все более нагромождало мыслями и проблемами повседневной реальности, и ей стало одиноко, тоскливо и неуютно в затемненной спальне.

Она вяло подошла к окну, раздвинула шторы, и солнечный луч, который ранее всегда радовал ее, теперь вызвал озлобленность и раздраженность.

Она направилась в ванную комнату, снабженную большим, просторным гардеробом, чтобы переодеться для бассейна.

Раздался звонок. Инга подняла трубку телефона и услышала голос мужа. Саша, пребывающий на каком-то особенном эмоциональном подъеме, справился о самочувствии жены и в игривой форме пожелал жене справиться с подготовкой к приему гостей у них дома вечером.

Только она положила трубку, раздался новый звонок. Эта была Аня. Ее голос тоже был преисполнен счастья, и она сообщила, что Игорь уже все подготовил к тому, чтобы оформить документы для поездки в Россию весной следующего года. Пока он планирует их пребывание на год, а там видно будет. Инга давно слышала от зятя о его проектах перевести часть бизнеса в Россию, но не хотела верить, что это всерьез и реально. И вот...

Когда Игорь, глядя на своих быстро богатеющих ровесников, бросил университет, где он работал с момента приезда в США, и занялся собственным бизнесом, Инга с мужем были расстроены. Они хотели видеть в зяте, ставшем в России в 25 лет кандидатом математических наук, известного процветающего ученого с самым надежным в Америке статусом — полного профессора, для чего, по их понятиям, у него были

все шансы. Но он изменил все свои планы, занялся бизнесом, который пошел, можно сказать, с самого начала успешно. Не только математический, но и житейский талант помогли Игорю «вычислять» ситуацию на рынке в прошлом, настоящем и будущем, что обеспечивало успех его все расширяющемуся делу.

— Мам, я так счастлива! — говорила Анята повышенным от восторга голосом. — Я рада, что Катюшка будет учиться в московской школе.

Мать, с одной стороны, искренне радовалась счастьем дочери, ее удовлетворенности жизнью и новым перспективами. С другой — вынуждена была с грустью констатировать, что Анята, выражая радость от предстоящего отъезда, ничем не проявила тоску о том, что она снова будет разделена с родителями океаном, через который они семь лет назад перелетели ради нее, с самой вершины своих карьер в новосибирском Академгородке, которому отдали лучшие годы жизни.

В Америке им не довелось устроиться в одном городе. Но все же расстояние их разделяло небольшое — около часа перелета или около шести часов на машине, что позволяло им часто видеться и бывать вместе на семейных торжествах, праздниках, а Катюшке — проводить у бабушки с дедушкой летние, зимние, осенние и весенние

каникулы.

По календарю осень уже перевалила за вторую половину, но в этом штате жара не перестала быть основной характеристикой погоды. Инга вышла за порог спальни и бросила в витиеватой формы водоем надувной матрас. Лучи солнца усиливали сверкание воды при малейшем ее колебании, что придавало бассейну вид подлинного, но сказочных размеров изумруда.

Инга стремительно погрузилась в воду, чтобы мгновенно преодолеть разность температур между водой и телом, но плавать, вопреки ежеутреннему правилу, не стала, а улеглась на матрас, отдавшись вместе с ним во власть движения воды. Легкое покачивание опять воспроизвело ощущения прошедшей ночи, и щемящая тоска по необратимой утрате в своей жизни чего-то существенного, важного повергла в уныние.

«Впадать в уныние — большой грех», — вспомнила она предостережения многовековой мудрости и стремительно спрыгнула в воду. Освежившись, она, легла в тенистое место на покрытый красочной махровой простыней шезлонг.

Комфорт и красота окружали ее и поднимали настроение.

— Что дурью маяться, — сказала она себе строго, словно смахивая с души и тела эти неуместные, почти крамольные ощущения,

спровоцированные сном. — Живу как в раю, муж на постоянной позиции полного профессора в университете, где пользуется почетом и уважением.

Солидная университетская зарплата и консультантская деятельность в фирмах обеспечили материальный достаток такого уровня, на который они даже не рассчитывали, когда приняли решение поехать в США на работу в драматические дни августа 1991 года.

Дорого обставленный трехэтажный дом с пятью спальными комнатами, большим садом и бассейном; путешествия по миру, одежда из дорогих магазинов. В их, соответственно дому, большом гараже умещались три дорогие машины — мужа, ее и третья — микро автобусик на случай путешествий с семьей дочери или с гостями, которых у них бывало немало из разных стран, в том числе и из России. Можно сказать, беззаботная, благополучная жизнь в свое удовольствие в стране изобилия, где мало кому понятно, что такое дефицит, стояние в очередях или толкотня в невыносимо холодном или, наоборот, жарком автобусе, трамвае.

Даже этот теплый климат, когда в октябре еще можно купаться в бассейне и загорать — не есть ли компенсация за долгие годы в холодной Сибири?!

Со школьных лет Инга всегда страдала от нехватки времени из-за перегруженности учебной,

общественной работой, научной, организационной работой; из-за вечного «писания» чего-нибудь (докладов, диссертаций, книг, статей, отчетов), вечного неизбежного расходования времени на быт. И вот: нет работы, нет необходимости корпеть над статьями, книгами, нет необходимости тратить время на быт, заботы о котором здесь у них распределены между еженедельно приходящей уборщицей-мексиканкой и моющими, стирающими, чистящими, перемалывающими, выжимающими, взбивающими машинами. Лежи себе и кайфуй у бассейна, радуйся жизни, читай сколько хочешь и чего хочешь, или разъезжай на машине...

А сегодняшний день обещает быть одним из тех, которые были особо милы ее сердцу, так как вечером к ним домой на прием вместе с американскими коллегами Саши по кафедре придут гости из России. Это — незнакомые ей ранее коллеги мужа, которые прилетели несколько дней назад.

«Только бы Саша не пригласил этого Анатолия Болтунского», — подумала Инга, досадуя на себя за то, что не попросила об этом мужа заранее.

Муж всегда приглашал Болтунского на русско-американские вечеринки у них дома, хотя знал, что жена недолюбливает его. Инга не скрывала своих антипатий к этому человеку с

первых встреч с ним в их ранней академгородковской молодости.

Анатолий работал в одном из институтов, с которым как математик сотрудничал Саша. На поприще этого сотрудничества, которое по традициям жизни Академгородка всегда сопровождалось вечеринками, посиделками у костра, Инга и имела неудовольствие встречаться с Болтунским.

Он был антиподом ее представления об интеллигенте, личностные характеристики которого должны соответствовать двум основным критериям: высокой нравственности и культуре. Болтунский не отличался ни первым, ни вторым. За ним вечно плелся хвост интриг, сплетен на почве зависти ко всем, кто преуспевал больше его в науке.

Он, безусловно, был человеком способным и образованным, но мешала ему, по мнению многих, неаккуратность. Неаккуратность во внешнем облике, в отношении к людям, к работе, над чем он никогда, возможно, не задумывался. В принципе, его можно было не без серьезных оснований отнести к неудачникам. Природа не наделила его привлекательными внешними данными, потому он любил в шутливой форме (за которой скрывал вполне серьезную самооценку) повторять известное изречение:

«Всякий мужчина привлекателен, если он

чуть красивей обезьяны».

Он был действительно чуть красивей обезьяны, но его концепция на сей счет позволяла ему небезуспешно претендовать на красивых женщин, каковыми были его первые две жены. Но ни первый, ни второй брак ему ни счастья, ни детей не принесли. Очевидно, внутреннюю красоту и наложности, котаря, по утверждений Анатолия, скрывалась за его неброской, мягко говоря, внешностью, красавицы не обнаруживали и разочарованно его покидали, к счастью, необремененными потомством.

Когда же он понял, что жены-красавицы ему не под силу, а причины отсутствия детей кроются в нем, он после последнего развода долго опасался вступать в брак, ведя при этом отнюдь не отшельнический образ жизни. В этот период он любил часто повторять: «Раньше у меня были жены красавицы, но дуры, теперь я найду себе дурнушку, но умницу». Однако его замыслу не дано было осуществиться, и в канун отъезда в Америку он женился на женщине уже далеко не юного возраста, не красавице и не дурнушке, не умнице и не дуре, очень средней, серой особе, к тому же такой же бездетной, как и он сам.

Кто-то злословил по этому поводу, утверждая, что Болтунский, хоть и ожидает в Америке головокружительных успехов, но на капризных и

независимых американок не собирается делать ставку, потому и поторопился туда поехать с нашей, надежной и неприхотливой женщиной.

Тома, как звали новую жену Анатолия, в Академгородке работала в том же, что и муж, институте, клерком информационного отдела. Она была из простой, бедной семьи, всеми корнями вросшей в Сибирь. Ура-патриотично настроенные (при традиционном «совковом» негативном отношении к эмигрантам) родственники не выражали особого восторга в связи с отъездом Тома «за бугор». Но молочные реки и кисельные берега, на которые рассчитывал Анатолий в Америке, внушали Томе надежду на то, что она сможет материально помогать родственникам и этим оправдаться перед собой и перед ними...

Но и в Америке у Анатолия не складывалось. По велению судьбы он оказался почти одновременно с Сашей в одном университете, только на разных кафедрах и совершенно разных позициях. Благодаря стараниям коллег, которые позвонили Саше в дни путча с предложением приехать, и удачному раскладу (отъезду в другой штат одного из профессоров кафедры и освобождению его места) Александр Дмитриевич сразу оказался на постоянной, высокооплачиваемой, трудно достижимой для эмигрантов «не юного», скажем так, возраста

должности полного профессора.

Болтунский же, который приехал со статусом беженца, оказался в ситуации, к тому времени ставшей почти типичной для ученых, попавших в США во времена перестройки. Открывшаяся небывалая никогда ранее возможность выехать за рубеж при развале устоявшейся системы финансирования и стимулов научной деятельности в СССР лавиной обрушила на западные страны, и, прежде всего, Америку, огромное число ученых, которые могли бы принести большую пользу университетам, как в преподавательской, так и в научно-исследовательской сферах. Но объективно университеты не могли удовлетворить такой огромный спрос на рабочие места. И потому ученые, даже высокого ранга, вынуждены были соглашаться на любые, порой весьма кабальные и нестабильные (по критериям перспектив) условия.

Именно в такой ситуации оказался Болтунский. Он был принят на позицию «research professor», что означало сравнительно невысоко оплачиваемое место. Но самым негативным было то, что это место было не постоянным и могло в любой момент исчезнуть, поскольку его финансирование в основном обеспечивалось за счет грантов, которые этот «research professor» должен был регулярно заявлять в соответствующие органы и организации. Однако трудоемкая, кропотливая

работа по оформлению заявок на гранты тоже не гарантировала позитивного результата, поскольку по существу любая заявка на грант — это заявка на участие в конкурсе.

Потому Болтунские жили очень скромно, в арендованных недорогих апартаментах, и ездили на старой машине. На вторую машину у них денег не было, и Тамара без знания языка томилась от безделья, ненужности. Это определяло ее постоянно плохое настроение и угрюмость. Без детей и за сравнительно короткий срок совместной жизни, они не стали друг другу родными людьми, у которых принято безропотно делить вместе все трудности. Поэтому порой казалось, что жена просто мстит Анатолию за обманутые надежды и не желает учить язык, работать, чтобы он за все расплачивался сам в прямом и в переносном смысле слова. Естественно, что Болтунского угнетало их положение, он постоянно рассылал свое резюме в разные университеты и фирмы в поисках постоянного и хорошо оплачиваемого места.

Саша искренне сочувствовал академгородковскому земляку. Он писал ему рекомендации, пытался протезировать, пытался чисто по-дружески обогревать соотечественника вниманием и потому всегда приглашал домой на встречи с учеными, зная даже, что Инга его недолюбливает, не переносит его ехидные шуточки,

гнетущую угрюмость и нескрываемую зависть его жены.

И сейчас Инга расстроилась при мысли, что Болтунский может оказаться у них именно сегодня и испортит ей ожидаемый праздник.

«Ну что это я сама нагнетаю себе плохое настроение, — недоумевала она в свой адрес. — Ведь все нормально, хорошо, замечательно. Ничего не произошло».

Она энергично встала, снова вошла в воду и, освежившись изумрудной прохладой, в улучшившемся настроении пошла в ванную комнату, чтобы полежать в джакузи. Ласкающие струи теплой воды массировали ее изрядно располневшее тело. Она стала думать, что бы ей надеть, чтобы выглядеть поизящней перед русскими гостями, и видения сна, где она так явственно ощущала себя, как прежде, изящной, стройной, сексуальной, опять вызвали щемящую тоску по себе в той жизни, где у нее были стимулы быть всегда в форме...

Порой уже казалось, что и не было той, прежней жизни, что не с ней все было — получение диплома юриста, защита кандидатской и докторской диссертаций, заведование большим перспективным отделом в академическом институте, почет и уважение со стороны руководства и подчиненных, конференции и

семинары. Ежедневно наполненная волнующими событиями творческая жизнь и... поздняя любовь, короткий тайный роман с академиком Останговым... Любовь как награда всей ее жизни, кульминация ее успеха как личности и как женщины, которой она пожертвовала ради того, чтобы не жить по разные стороны океана с дочерью.

Первое время проживания в Америке Инга старалась отбрасывать любые душевные движения, напоминая обо всем этом. «Так распорядилась судьба, значит, нужно принимать жизнь такой, как она сложилась, и не оглядываться назад, тем более что сложилась жизнь наилучшим образом», — рассуждала она.

И вот этот сон! «Почему, почему он спровоцировал эту встревоженность, эту тяжесть на душе? Почему так хочется разрыдаться, выплеснуть все, что накопилось. Но что накопилось? Кому сказать?»

Сердце защемило от сдавившего его внезапного горького осознания, насколько изменилось отношение к ней мужа. Внешне все вроде бы было хорошо, не придерешься. Но все же, все же... Нужно быть слепым и тупым, чтобы не видеть существенных перемен.

Саша меньше стал советоваться с женой, меньше беседовать с ней о событиях в мире, об

отношениях с людьми, их окружающими, почти полностью перестал рассказывать о своей работе, в то время как прежде взаимный обмен важными моментами творческой жизни каждого был основным правилом их жизни. Все в поведении мужа демонстрировало, что теперь он смотрит на жену, как на несведущую в этой «заграничной» жизни домохозяйку. Потому он почти перестал считаться с ней, а ее желания как-то постепенно перестали быть для него приоритетными.

Ход тяжелых мыслей прервался, когда Инга обнаружила, что так и лежит в совсем остывшей, шумящей и бьющей струями воде. Она вышла из ванной и после обычных гигиенических и косметических процедур зашла в кухню выпить кофе и приступить к делам, связанным с предстоящим приемом гостей.

Время приближалось к десяти утра, и солнце, которое ее так некстати разбудило, теперь, словно специально, чтобы поднять ей настроение, озаряло стекло, мрамор и гранит кухонного убранства. Огромное открытое окно, выходящее в их сад, являло, как прекрасную картину на стене, изумрудный бассейн, окруженный роскошными цветочными клумбами.

«Как не стыдно думать о чем-то грустном, о неудовлетворенности при такой жизни?!» — молча воскликнула Инга с негодованием в свой адрес и

включила расположенный здесь же в кухне небольшой телевизор. По русскому каналу показывали запись какого-то большого концерта, в момент включения телевизора выступала незнакомая ей молодая певица Таня Буланова. Слушать незнакомку не хотелось, но она решила, что, если после нее не появится кто-то из любимых звезд (Пугачева, Малинин, Леонтьев), выключит телевизор. Но выражение лица певицы, слова песни и музыка настолько взволновали, что, позабыв о завтраке, о делах, Инга как вкопанная остановилась перед телевизором, довольная тем, что никто не мешает дать волю слезам.

На хороших людей и
плохих

Всех делила ребячья
порода.

Мы играли в пиратов
лихих

И отважных бродяг
мореходов.

Забывалась любая
беда

И терялась в далеком
просторе,

И не верили мы
никогда,

Что кончается, что
кончается
Что кончается синее
море.

Ты была заводилой у
нас,
Черт морской в
полияной рубашке,
Ты водила отцовский
баркас
По бушующим
волнам бесстрашно.

Сумку школьную
прочь отшвырнув,
Ты сидела верхом на
заборе,
И кричала, к
биноклю прильнув:
«Не кончается, не
кончается
Не кончается синее
море».

Но однажды
приплыл пароход
За тобою незвано,

нежданно
И какой-то
Синдбад-Мореход
Вдруг увез тебя в
дальние страны.

На прощание ты, как
всегда,
Закричала:
«Увидимся вскоре,
Потому, что у нас
никогда
Не кончается, не
кончается
Не кончается синее
море»

Позабыть мы тебя
покаялись,
Мы тебе не прощали
измену,
Но взметнулся в
тревожную высь
Крик чужой
пароходной сирены.

А потом прилетело
письмо,

Как совсем
неприкрытое горе,
Было в нем
откровенье одно:
«Здесь кончается,
здесь кончается
Здесь кончается
синее море», —

пела Буланова, с поражающе щемящей грустью в глазах. «Что может знать это юное существо о том, где и когда «кончается синее море», — подумала Инга, вволю предавшись рыданиям.

* * *

ЛИНА сидела в полутемном зале ресторана и чувствовала жар на своих щеках. Подкрашенные, ухоженные, уложенные в красивую прическу золотистые волосы и элегантный, кофейного цвета брючный костюм омолаживали весь ее облик, а лучистые огромные карие глаза с удивлением младенца, познающего мир, смотрели на окружающую обстановку. Она выпила только немного коньяка, но с непривычки сразу почувствовала легкое головокружение и решила, что пить ей больше не следует. Однако сидящий с

ней за столом атлетического сложения крупный блондин заказал еще бутылку шампанского, которую официант еле пристроил на переполненном деликатесами и бутылками с разными напитками столе. Зазвучал дивный голос Александра Малинина:

«Плесните
колдовства в хрустальный
мрак бокала,
В расплавленных
свечах мерцают
зеркала...»

Лину охватила щемящая тоска об ушедшей молодости, от том, что она так мало танцевала в жизни, отдав всю себя мужу и четверым детям. Очевидно, ее настроение отразилось в выражении лица, потому что мужчина участливо спросил:

— О чем вы грустите, Галина Петровна?!

— Да нет, ни о чем. Просто музыка подействовала...

— А расскажите мне что-нибудь о себе, раз уж мы оказались в такой обстановке, — сказал проникновенно мужчина. — Ведь я, по сути, ничего не знаю о вас. Вот собираюсь вас в Америку отправить в командировку, о чем мы говорили. Я же должен знать о вашем моральном облике. — Эти

слова вызвали у самого Данилы Ивановича такой хохот, что он вынужден был сделать несколько глотков воды, чтобы прийти в себя. А Лине в этом хохоте открылось что-то детское, непосредственное в начальнике, вызывающее к нему доверие.

— Ох, Данила Иванович! — сказала она, глубоко вздохнув. — Если б несколько лет назад мне кто-то сказал, что я поеду в Америку, пусть даже в командировку, я, поверьте, посчитала бы его своим врагом.

— Да что вы, Галина Петровна! Почему? Вы так ненавидите эту страну?

— Тогда, тогда... я ее ненавидела лютой ненавистью...

— А сейчас?

— А сейчас... Сейчас... — Лина задумалась на мгновение и, опустив голову, сказала: — Не знаю. Не зря говорят, что время залечивает раны...

Данила Иванович почувствовал, что затронул больную для собеседницы тему.

— Давайте-ка выпьем за вашу успешную командировку в Америку! — сказал он с торжествующей улыбкой, довольный, что нашел способ увести разговор. — Вот когда американцы примут наши условия и подпишут контракт, который нам сулит большие прибыли, вы полюбите Америку, я вам гарантирую. Тем более что занятия английским вам пошли на пользу, как я понял. У

вас еще есть несколько месяцев для подготовки, и вы сможете с иностранцами спикать на их языке.

Лина улыбнулась, отметив какую-то особенную возбужденность своего босса, на которую, казалось, он, всегда сдержанный, даже суровый, не способен. Она в ответ протянула к его бокалу свой, из которого затем отхлебнула небольшой глоток шампанского...

«Звуки музыки
звучат, вижу ваш
случайный взгляд,
молодой человек,
пригласите танцевать!
Пригласите,
пригласите, пригласите,
и ладонь мою в
руках своих зажмите,

— зазвучал прокуренный голос ресторанной певички.

— Галина Петровна, а почему бы и нам не потанцевать! В конце концов, у нас есть повод повеселиться! Вчера подписали контракт с европейцами. Вы с Соколовым поедете подписывать контракт с американцами. Скоро наша фирма выйдет на совершенно новый уровень бизнеса! — Он встал и подошел к Лине, подавая ей

руку.

Все произошло так неожиданно, что Лина не успела опомниться, как оказалась в объятиях своего «босса», ведущего ее в танце. Алкоголь и, казалось, атрофировавшиеся уже чувственные ощущения кружили голову.

Танец закончился, и они вернулись к столу. Еще находясь во власти музыки и прикосновений, они сели за стол молча, и, чтобы разрушить паузу, теперь уже Лина подняла свой недопитый бокал.

— Данила Иванович, — заговорила она проникновенно. — Спасибо вам за все! Вы изменили мою жизнь. Ведь я больше года не могла найти работу после смерти мужа. Все фирмы искали на должность референта молодых, длинноногих. А вы не только приняли меня в вашу фирму, но еще дали возможность выучиться патентному делу и английскому. Теперь у меня профессия, я независимый человек... Не знаю, что бы со мной было, не попади я к вам на работу...

— Да что вы, Галина Петровна, не надо меня благодарить. Я сам был заинтересован взять человека без гонора, который бы выучился и был предан моей фирме. Я уже нахлебался этих молодых, длинноногих. Каждый раз, когда заходила в кабинет, она не о деле думала, а предлагала себя. Казалось, хотела одного — уложить меня в свою постель. Сейчас время работать, если хочешь

добиться успеха. И, короче говоря, я решил, что буду искать солидную женщину, чтобы работала! И тут явились вы, «как гений чистой добросовестности», если можно так перефразировать Александра Сергеевича. Вы пришли такая худенькая, маленькая, смущенная, как будто милостыню просить.

— А я и просила милостыню, — перебила Лина с грустной улыбкой. — Ведь для меня работа была почти то же, что для нищего кусок хлеба. А худенькой, маленькой стала от горя после смерти мужа. А до этого, — вы бы не поверили, — килограмм 80, не меньше, весила и никак не могла похудеть. А горе меня мгновенно «похудело». А маленькой была из-за опущенных плечей в прямом и переносном смысле...

— Это неважно, — перебил ее начальник, — я рад, что не ошибся, приняв вас. Более того, вы превзошли все мои ожидания. Вы сейчас уже бесценный работник. — Он, подлив шампанского в ее бокал, протянул свой, этим призывая еще выпить. — А знаете, — продолжил Данила Иванович уже веселым, игривым тоном, — я даже рад, что вы ненавидите Америку. Теперь я спокоен, что вы там не останетесь, — он громко расхохотался от своих слов и резко остановился, спросив: — А все же, что тому причиной, если не секрет?

— Понимаете... Как вам сказать... — Лина подбирала слова. — Я пережила жуткую драму, о которой можно было бы написать целый роман. Но никто, кроме моих двух подруг и дочери одной из них, не знает об этой драме по сей день, хотя она случилась очень давно. Вы единственный теперь во всем мире тоже узнаете, — сказала Лина, жалобно посмотрев на собеседника, словно моля его о хранении тайны, которую ей уже самой захотелось выплеснуть наружу. — Это очень длинная история, — продолжила она, опустив голову.

Данила Иванович молча подлил ей шампанского в бокал, и она, механически отпив немного, продолжила.

— Когда-то давно, тридцать лет назад, когда я ждала второго ребенка, мой муж, очень успешный в карьере ученый, тогда уже без пяти минут доктор наук, получил полногабаритную квартиру в Академгородке и я решила справить новоселье со своими подругами.

Это были мои школьные подруги. Кстати сказать, в далекие школьные годы нас сдружило то, что среди одноклассников нас троих «избрали» самыми красивыми девочками в школе в нашем потоке. — Лина покраснела и засмеялась с выражением неловкости, как бы ища снисхождения у собеседника за нескромность. — Нет, конечно, наша дружба была не на этом основана. — Лина

улыбнулась. — Мы дружили очень красиво и искренне. Правда, после школы нас вначале всех разбросало. А потом волей судьбы мы с мужем оказались в Академгородке, где к тому времени уже жила с мужем вторая из нас — Инга... А третья, Нонна, продолжала жить в нашем родном городе Одессе.

— О, Одесса! Одесса! Я там много раз бывал. У меня там друзья, — перебил Данила Иванович с выражением восторга на лице. — Обожаю этот город веселых людей. А пляжи! Ой, извините, Галина Петровна, извините, что перебил. Продолжайте, я весь внимание.

— И вот мы все собрались в Академгородке у меня на новоселье, — продолжила Лина. — Я была беременна вторым ребенком. Подруги мне помогали весь день, и мы готовились к большому празднику.

— И что — Нонна приехала специально из Одессы?! — перебил Данила Иванович.

— Да, но лучше б не приезжала. — Лина тяжело вздохнула. — У нее была тоже дочка-малютка. Нонна ее оставила у тети в Одессе, так как муж был в плаванье, он был моряком, а сама прилетела к нам в Сибирь прямо в тот день, когда ждали гостей. Итак, мы собрались втроем. Инга пришла со всей семьей — с мужем и дочкой, почти ровесницей моей. Счастью не было предела. К

приходу гостей мы, как водится, уложили спать двух малюток в нашей с мужем спальне. Вечеринка проходила замечательно. Гостями были коллеги мужа. А это публика, сами знаете, какая-то вдохновенная. Я себя чувствовала превосходно из-за той ауры внимания и дружелюбия, которой была окружена как супруга уважаемого ученого, как хозяйка дома, как женщина. В положении... Ну вот... — Лина остановилась, прикусив губу. — Вечером, когда веселье было в разгаре, я отправилась в спальню посмотреть, как спят моя и Ингина доченьки... И с порога, в затемненной комнате, увидела Ингу в объятиях моего мужа... У меня случился обморок, вызвали скорую, увезли в больницу, и произошел выкидыш...

— Да, история... А что же «подруги»?! — спросил взволнованно Данила Иванович.

— Ой, я и сама не знаю. Я, естественно, пробыла несколько дней в больнице, но никого не хотела видеть. Нонна сразу улетела, а с Ингой я двадцать пять лет не общалась, хотя жили на соседних улицах в Академгородке.

— Ну ладно, забудьте обо всем, Галина Петровна, — сказал Данила Иванович и снова предложил выпить. — Это было так давно.

Лина от волнения почувствовала сухость в горле и залпом выпила полбокала шампанского.

— Нет, это только начало драмы, и раз уж я

начала, хочу высказаться, — сказала Лина, утирая слезы накрахмаленной салфеткой. — Я так долго держала все это в себе.

— Но, Галина Петровна, зачем вам расстраиваться сейчас, ведь столько лет прошло. Чего в жизни не бывает... Пора забыть все. Это я виноват, что подтолкнул вас к этим воспоминаниям. Давайте лучше потанцуем снова.

«А мне не надо от
тебя любви, дарованной
как милость,

А мне не надо от
тебя того, что с нами не
случилось...»

— снова зазвучало танго, под которое, прижимаясь друг к другу, на танцплощадке медленно двигались мужчины и женщины.

— Нет, Данила Иванович, — сказала Лина с мольбой, совсем расслабленная алкоголем, — я хочу высказаться... пожалуйста... Так вот, то только было началом драмы... Спустя 25 лет мой муж поехал в четырехмесячную командировку в США и там в какой-то эмигрантской компании познакомился с девкой, влюбился, потеряв совершенно голову. Он сразу признался мне в этом, как только вернулся домой. Олег (так звали мужа)

пригласил свою пассию в Городок. При этом к ее приезду он разделил нашу сдвоенную квартиру, и когда любовница прилетела спустя несколько месяцев, он с ней там обустроился.

— Какая жестокость, однако! — с выражением угрюмости на лице перебил Лину Данила Иванович. — А как же вы, дети, когда она приехала?

— Это был август, дети все были в отпусках, а я... обо мне лучше не говорить, потому что пересказать мои страдания невозможно... Невозможно еще и потому, что его возлюбленной оказалась... — Лина остановилась на мгновение, чтобы дать расслабиться горлу, сдавленному нервным спазмом, и, глотнув шампанского, продолжила: — ею оказалась... дочка подруги Нонны!

— Это рок какой-то! — воскликнул Данила Иванович, невольно ударив кулаком по столу так, что зазвенела посуда. — Одна подруга сама на мужа вашего, а другая — дочь подставила вашему мужу. Но почему же они именно вас выбрали своей жертвой, эти монстры?! И где они сейчас?

— Ничего я не знаю о них... Сейчас они обе в Америке, но я ничего о них не знаю. Не знаю, общаются ли они как-то друг с другом... Но... Многие остались для меня загадкой по сей день. Все же я их знала с детства. Это были хорошие,

порядочные девочки.

— Да уж точно порядочные, — с сарказмом вставил Данила Иванович. — А что же было, когда эта дрянь приехала в вашу квартиру?

— Как было... — Лина так расстроилась от воспоминаний, что начала даже всхлипывать. Она видела, что Данила Иванович очень смущен ее состоянием и готов что-то предпринять, чтобы ее успокоить. — Ничего, ничего, не обращайтесь внимания, Данила Иванович, я уж доскажу — сказала Лина, глядя в стол и вертя в руках испачканную черной тушью с ресниц салфетку. — Когда он ее привез из аэропорта, я была дома, а куда было деваться? Олег меня ей представил, так, как будто я железная, без каких-либо чувств, и они удалились на его половину квартиры. Они в первый же вечер куда-то ушли. Вернулись очень поздно. А через пару дней они должны были уехать в путешествие по стране с заездом в ее родной город Одессу.

— И как же вы могли, Галина Петровна!? — воскликнул Данила Петрович.

— А что мне было делать?! Я отупела от безысходности, от стыда и желания скрыть свой позор от детей и окружающих...

— Но ведь это же прежде всего его позор, вашего мужа! — горячо вставил Данила Иванович.

— Да, это так, — согласилась Лина. —

Потому муж меня просил держать это все до поры до времени в секрете. За это он был готов остаться моим лучшим другом и во всем мне помогать. В общем, это трудно все объяснить. Я была в отчаянье и оцепенении. И уже сама хотела, чтобы они поскорее уехали в это путешествие, чтобы я осталась одна и опомнилась. Но... но... на третий день после ее приезда случился путч...

— Ну и история, хоть мыльную оперу ставь, — сказал Данила Иванович, энергично плеснул в свою опустевшую рюмку водку и, сделав несколько глотков, попросил Лину продолжать исповедь.

— Спасибо вам, Данила Иванович, за то, что даете мне эту возможность. Может, завтра я пожалею, что вот так все наизнанку... Но сейчас мне это необходимо, — сказала она, вертя салфетку.

Данила Иванович дружелюбно, как бы для поддержки, взял в свою ладонь ее похолодевшие от волнения пальцы, слегка сжав, и тут же убрал руку.

— Продолжайте, — сказал он с нотками нежности в голосе.

— Так вот, они прилетели в субботу 16-го августа, а в понедельник 19-го... Помните все это: болезнь Горбачева, трясущиеся руки Янаева, «Лебединое озеро»... И тут началось что-то невероятное. Она, эта девка-американка,

эмигрантка, испугалась, что застрянет в России, и потребовала, чтобы Олег ее немедленно отправил в Америку. Представляете, в первый день путча, когда мы все не знали, что нас ждет, она его загоняла, чтобы он ей достал билет, несмотря на то что у него в этот день случился сердечный приступ от волнений и стрессов. У мужа, замечу, с юности было нездоровое сердце, и я его очень берегла всю жизнь. А тут такое... Уж не знаю как, но он все же отправил эту... в Америку... После этого он стал просить прощения у меня и обещал золотые горы, новую сказочную жизнь. Мне его стало жаль. Он словно стал для меня пятым ребенком. Но его сердце не выдержало...

— Ну и несчастье вам принесли ваши подруги... — с негодованием сказал Данила Иванович.

— Я так и не знаю по сей день: обе подруги или только Нонна. Дело в том, что в те трагические дни мне не с кем было поделиться. Я с ума сходила от отчаянья и одиночества, но не хотела ни с кем из наших семейных приятелей говорить об этом. Я не хотела, чтобы по Городку поползли слухи, которые бы могли дойти до детей. И я... — Лина снова стала всхлипывать... — Представляете?! Я позвонила Инге, от которой отреклась 25 лет назад! Представляете, чего мне это стоило...

— И что же ваша Инга? — спросил он с

ноткой сарказма в голосе...

— Представляете, она услышала мой голос и отреагировала так, как будто ничего между нами плохого не произошло. Она пришла в тот же день и очень меня поддерживала морально. Она была единственным человеком, посвященным в эту драму. Но в то же время она очень ранила мое сердце, когда сказала, что тогда на новоселье ее вины не было. Она зашла в спальню, где спали наши девочки, чтобы проверить, закрыты ли форточки... И там застала Нонну в объятиях моего мужа. Нонна в испуге выскочила, а Олег прижал к стене Ингу, требуя от нее дать слово, что она ничего не расскажет мне. И в тот момент, когда она пыталась от него вырваться, в спальню зашла я... И представляете, если Инга ни в чем не была виновата, каково ей было жить с этим несправедливым обвинением с моей стороны столько лет?!

— И что же получается, если верить Инге, — с озлобленностью в адрес обидчиков вставил уже тоже слегка захмелевший Данила Иванович, — всю вашу жизнь исковеркала одна семья — Нонна с дочкой! Что вы им плохого сделали?

— Я ничего не знаю, Данила Иванович, — сказала совершенно подавленная Лина. — Я многого не поняла в этой истории.

— А как сложились ваши отношения с Ингой

после перемирия? Вы снова подружились?

— Вначале — да, мы подружились. Она приходила ко мне домой, приглашала к себе, чтобы поддержать, давала мне советы... Но... Когда после похорон мужа, — Лина снова всхлипнула, — Инга мне сообщила, что уезжает с мужем в Америку, во мне разыгралась ненависть к этой стране. Америка стала для меня олицетворением зла. Там, в этой стране мой муж влюбился до потери сознания, и эта страна разлучает меня с подругой, которую я вновь обрела. Причем обрела тогда, когда более всего в ней нуждалась. И вот я всю эту ненависть выплеснула на Ингу. Чтобы сделать ей больно из-за ее отъезда, я ей дала понять, что не поверила в ее рассказ о том страшном вечере... и продолжаю думать, что она флиртowała с моим мужем в тот трагический вечер. Вот видите, какие узелки иногда свивает жизнь...

— А вы будете пытаться выйти на контакт с подругами в Америке? — спросил Данила Иванович, проявляя признаки усталости от запутанного рассказа Лины.

— Да что вы! Никогда! Да и зачем?! Жизнь развела нас навсегда. Так судьбе было угодно...

Лина замолкла, опустила хмельную голову на ладони упертых в стол локтями рук, и ее лицо приняло глуповатое выражение.

Она показалась Даниле Ивановичу

совершенно незащищенной и потерянной. А Лина вдруг, к его удивлению, налила себе в рюмку водки и залпом выпила. Данила Иванович стал опасаться, что она совсем опьянеет, и предложил поехать домой. Лина встала со стула, едва держась на ногах.

Уже было далеко за полночь. И Данила Иванович молча упрекнул себя в том, что его подчиненная перебрала алкоголя не без его помощи.

Вообще это посещение им ресторана со своей подчиненной было случайным. Они поехали в аэропорт, чтобы проводить иностранных партнеров. Данила Иванович жил в центре Новосибирска, где размещалась его фирма, а Лина — в Академгородке. Это была пятница. В аэропорту они пробыли дольше, чем планировали, из-за задержки вылета гостей. Вернувшись в центр города, Данила Иванович почувствовал, что проголодался, и предложил Лине поужинать с ним в одном из здешних ресторанов. Он жил недалеко и потому отправил персонального водителя домой, решив, что после непродолжительного ужина пройдет домой пешком, тем более что погода в этот осенний день была необычно теплой для этого времени года в Сибири.

— Галина Петровна, — сказал Данил Иванович, прилагая усилия к тому, чтобы Лина не упала. — Я думаю, что вам не стоит возвращаться в

Академгородок сейчас. Я возьму такси, и поедемте ко мне. У меня просторная квартира с отдельной гостевой комнатой. Я живу один, и места у меня предостаточно. А утром вы поедете в Городок на такси, как и планировали. Благо завтра выходной.

Лина все соображала, но алкогольный дурман сковал волю, и она покорно подчинилась. Данила Иванович набросил ей на плечи ее легкое демисезонное пальто, взял под руку и осторожно вывел из ресторана, опасаясь, что она может упасть, поскольку ноги ей слабо подчинялись. Когда они вышли на улицу и поймали такси, он помог ей расположиться на заднем сиденье, а сам сел рядом с водителем.

— Вот здесь, — сказал Данила Иванович таксисту, и как только они остановились у подъезда, быстро рассчитался, вышел из машины и, как нестати уснувшего младенца, осторожно вытащил задремавшую спутницу.

Через пару минут Лина уже сидела на небольшом мягком диванчике в гостиной дома у начальника, а он хлопотал в ванной комнате. Казалось, что алкоголь только лишь сейчас вовсю заиграл в ее крови, и Лина не понимала, что происходит вокруг. Она сделала неосторожное движение, и со спинки ее голова свалилась на подлокотник диванчика. А поскольку он был узок и короток, она чуть не упала на пол. Данила

Иванович быстро подхватил ее и, прижав к своей груди, осторожно понес в гостевую комнату, где он заранее расстелил постель.

Когда она оказалась на кровати в затемненной комнате, ее брючный костюм показался ночной пижамой, надетой на голое тело. Лина сжалась в клубок, застонала и вдруг разразилась громкой истерикой. Было очевидно, что рассказанное и недосказанное о случившейся с ней трагедии вытащило откуда-то из подкорки и воспроизвело в сознании все ее страдания, вновь поставив вопросы, на которые она так и не знала ответов, и вычертив во всей остроте ее потери и одиночество. Она рыдала, восклицая: «За что, за что?»

Данила Иванович присел на постель, слегка похлопав ее по плечу, чтобы она опомнилась. Но она ни на что не обращала внимания и, укрытая темнотой комнаты, разрыдалась еще сильнее.

Тогда он прилег рядом и, начав с нежного поглаживания ее головы, незаметно для себя перешел к поцелуям шеи, плеч, лица. Она вначале покорно принимала его ласки, а затем сама все сильнее стала прижиматься к нему и отвечать на его ласки. Уже лежа на спине, она ощутила головокружение, и ей показалось, что она куда-то летит, а с ее телом происходит что-то уже забытое, похожее на то, что она знала, будучи 30 лет замужем, но совсем иное, от чего она

непроизвольно издавала стоны и даже выкрики...

Данила Иванович вышел из комнаты, когда убедился, что она крепко спит.

* * *

НОННА во всей немеркнущей своей красоте и изяществе, облаченная в белоснежную короткую, в складочку юбочку и облегающую белую футболку, вместе с подругой — напарницей по теннису, покидала тенистый корт, расположенный во дворе ее дома. Она энергично вытерла махровой салфеткой пот с лица и, договорившись о следующей встрече, проводила подругу к машине, на которой та тут же умчалась. Перед тем как принять душ, Нонна набрала номер дочери.

— Ну что, Асюня, я тебя жду? — сказала она весело и возбужденно.

— Да-да, мамочка, уже выезжаю, — таким же тоном ответила дочь.

— Ты бы хотела, чтобы мы поехали куда-нибудь на ланч?

— Нет-нет, мамуля, не надо, — сказала Ася, — я хочу, чтобы мы просто посидели одни дома...

Нонне было приятно слышать от дочери эти слова, свидетельствующие о том, что у нее есть потребность просто быть рядом и общаться с

матерью без особой на то причины. Как долог и драматичен был путь к этой близости. Она поздно обнаружила, что многое упустила в ее воспитании. Нонна прежде всего упрекала в этом себя, без снисхождения к себе признавая, что это было результатом ее прежних замужеств, любовных походов, которые заставляли ее часто подбрасывать дочку родственникам, друзьям, сиделкам.

Пройдя все испытания эмигрантской жизни, Нонна волей счастливого случая встретила надежного мужчину-американца, который ее увез в этот южный штат в свое имение, а Ася осталась в Нью-Йорке, где вела бесшабашную жизнь без каких-либо серьезных устремлений и ограничений. Это отравляло жизнь Нонне, которая могла бы быть вполне счастливой. Она постоянно смотрела на телефон, ожидая звонка от дочери с хоть какой-нибудь положительной новостью о ее жизни.

И однажды этот звонок раздался. Ася, радостная, сообщила матери, что на ней хочет жениться русский профессор, который пребывает в Америке в длительной командировке. Из рассказа следовало, что профессор к концу командировки вернется в Россию, она приедет к нему, он к тому времени оформит развод со своей женой, которую давно не любит, они поженятся и решат, где им лучше и интересней жить дальше.

С одной стороны, мать была рада тому, что дочь наконец остепенится, с другой — ее беспокоило, что профессор ей в отцы годится по возрасту.

Чтобы хоть как-то разобраться в ситуации, Нонна перед самым отъездом профессора в Россию прилетела в Нью-Йорк. Она остановилась у родственников мужа и первую встречу назначила сама в красивом ресторане дорогого района Манхэттена. Она пришла чуть пораньше и уже сидела за столом, когда Ася с «женихом» вошли в зал. Когда она увидела дочь с Олегом — мужем своей подруги Лины, с которой их развел тот трагический вечер на ее новоселье, она чуть не упала со стула. Однако, приложив все силы для самообладания, которому научилась у мужа-американца, она поприветствовала своих гостей.

Олег тоже ранее не подозревал, что судьба свела его с дочкой той женщины, от которой он когда-то потерял голову во время того злосчастного новоселья у них дома... Он сразу узнал Нонну, но ни одним мускулом лица не выдал этого. Он молчал, как бы призывая Нонну быть снисходительной к нему ради дочери, которая светила счастьем. Нонна, чувствуя, что самообладание может в любой момент иссякнуть, сказала, что приехала заранее, чтобы предупредить,

что Боб заболел и ей нужно срочно возвращаться домой. Олегу все было предельно ясно, а ничего не подозревающая Ася приняла за чистую монету объяснения матери и искренне пожалела о случившемся.

Вернувшись домой, Нонна продолжала сочинять легенду о болезни мужа, избегала общаться с дочкой по телефону и под любым предлогом уклонялась от бесед, как только Ася пыталась завести разговор об Олеге. Когда же он улетел в Россию, Нонна снова прилетела в Нью-Йорк, чтобы все объяснить дочери. Она хотела рассказать Асе ту трагическую историю их далекой молодости, но Ася запретила матери говорить что-либо негативное об Олеге, назвав мать своим врагом, который не желает ей счастья. Ася ничего не хотела слушать и только оскорбляла мать недоверием и неуважением.

Нонна не спала ночами, когда дочь улетела к возлюбленному, даже не попрощавшись с матерью и не позвонив, чтобы сообщить о прилете в Россию. Она не могла представить, что Асю там ждет, где она там будет жить и какое горе это принесет Лине...

И вот, через несколько дней после вылета дочери, Нонна смотрит CNN, где показывают баррикады и движущиеся танки на улицах Москвы. Она не отходила от радио и телевизора. В какой-то

радиопрограмме она услышала голос комментатора, который прямо сказал, что прогнозировать трудно, никто пока не может сказать, что с Горбачевым и чем все кончится. Нонна звонила всюду: американским друзьям мужа, его старому другу профессору Флемингу, звонила русским знакомым в Нью-Йорк, чтобы услышать их мнения, узнать новую информацию.

На третий день путча, когда уже можно было судить о его провале и Нонна начала чуть успокаиваться, из Нью-Йорка позвонила Ася и сообщила, что вернулась в Америку. Нонна пыталась выяснить у Аси, что с ней произошло, как все было в России в эти дни, как Лина, ее дети...

— Я ничего не знаю! Мне плевать на них всех. Главное, что я уже дома, — твердила Ася, судя по всему, очень довольная собой.

О смерти Олега Ася узнала сразу и тут же позвонила матери. Нонна была охвачена подлинным горем и угрызениями совести перед Линой. Олег, судя по всему, стал жертвой романа с Асей. Значит, это и их вина — Нонны и ее дочки.

На какое-то время Нонна вообще замкнулась и не хотела ни с кем общаться. Ей казалось, что весь мир знает о совершенном ими преступлении. В этом состоянии общаться с дочерью для нее означало чувствовать себя непосредственной соучастницей трагедии.

С другой стороны, ее не покидали страхи о том, что Ася может опуститься, стать наркоманкой, проституткой, поскольку ничто из ее прошлой жизни не внушало веру в то, что она может выйти на праведный путь.

Жизнь Нонны теперь разделилась на внешнюю, где все было, как всегда, благополучно, и внутреннюю, никому не видимую, где навечно поселилась необратимая печаль, чувство вины перед Линой, перед дочкой и страх за нее.

Время шло. И однажды кто-то позвонил в дверь. Она решила, что это срочная почта для Боба, и когда открыла дверь, не поверила глазам своим. Перед ней стояла дочь. Они со слезами бросились друг другу в объятия, не говоря ни слова...

Ася погостила у матери неделю, но с первого мгновенья встречи Нонна не могла не заметить, что в дочери произошли разительные перемены. Это просто был другой человек. Она почти ничего не говорила о своей личной жизни и о себе, лишь сообщив, что вскоре после приезда из России, уже после смерти Олега, работала в госпитале на неквалифицированной работе. А сейчас взяла необходимую сумму в банке в кредит для учебы в медсестринском колледже. Учеба будет продолжаться примерно два с половиной года.

Ася объяснила матери, что выбрала эту профессию, чтобы помогать страдающим. Все ее

помысли и планы сейчас были преисполнены милосердия к людям. Даже выражение лица Аси стало иным. Хищная львица превратилась в преданную, заглядывающую в глаза собачку, готовую служить.

Она не была религиозной, но стала посещать религиозные учреждения словно желая найти свой путь к Богу, который бы ей простил все. Нонна смотрела на дочь, и ее сердце сжималось от жалости и тревог за ее дальнейшую судьбу. Ася, ее единственная дочь, действительно писаная красавица, умница, может составить подлинное счастье мужчине, которого полюбит, но в ней словно все погасло.

Все дни мать обихаживала дочку, как маленького ребенка. Лишь теперь она познала радость материнства, которого себя лишала в молодости, думая только о своей личной жизни. Боб относился с пониманием, проявлял с женой солидарность, окружая падчерицу теплом и вниманием.

Неделя пролетела как один миг, и Ася сказала на прощанье, что приедет, когда закончит колледж.

Ася выполнила свое обещание. Она позвонила, когда получила долгожданный сертификат о среднем медицинском образовании. У нее уже было несколько предложений работы в госпиталях в Нью-Йорке, но она решила недели две

отдохнуть у мамы.

Когда Ася сообщила дату своего приезда, Нонна предложила мужу организовать в первый же уикенд пикник у них во дворе. Боб поддержал жену и сказал, что кроме их старых друзей (американцев) пригласит его новых партнеров по гольфу, которых Нонна еще не знала.

Ася встретила гостей с доброжелательным равнодушием и, отдав дань вежливости, улеглась на шезлонг у бассейна. Мать не могла не заметить, что дочь сексуальное бикини сменила на скромный цельный черный купальник, который, однако, еще четче подчеркивал ее точеную, восхитительную фигуру. Видно было, что Ася под предлогом «хочу позагорать» уткнулась лицом в матрасик на шезлонге, чтобы ни с кем не общаться.

Нонна удалилась на время по хозяйственным делам в кухню и хотела попросить мужа, чтобы он как-то вовлек дочь в общение. Но тут в окне, выходящем к бассейну, она заметила, что рядом с Асей сидит один из новых гостей, интересный, стройный мужчина, судя по всему — чуть больше пятидесяти лет, которого звали Майком. Нонна тут же спросила о нем у мужа и узнала, что Майк — давний друг профессора Флеминга и недавно стал их партнером по гольфу, вступив в их гольф-клуб. Он перешел к ним, поскольку не хочет общаться в прежнем гольф-клубе с женой, с которой развелся.

Он главный менеджер очень крупной компании, человек очень состоятельный. После развода наслаждается своей свободой и сказал, что больше не женится никогда. «Майк из спешиал американ (особенный американец), — лукаво заметил Боб, — он прекрасно говорить по-русски. У него грандграндперентс фром Раша (предки из России). Он рассказат, что грандма (бабушка) его учил рашин ленгвич (русскому языку). Ю хэв ан опортюнити (у тебя есть возможность) говорит с Майк ин рашинан (по-русски)», — смеясь, заключил Боб.

* * *

ИНГА стояла у зеркала, которое сегодня впервые за долгое время ее порадовало. Уже год спустя с того момента, как она ступила на американскую землю, со стороны ее ничем нельзя было отличить от среднестатистической американской домохозяйки — обывательницы, все интересы которой замыкаются на быте. И свободная одежда, скрадывающая излишки веса, и короткая стрижка осветленных до пепельного цвета волос — все это уже мало напоминало Ингу Сергеевну семилетней давности.

И все же сегодня она себе нравилась. Она хотела себе внушить хорошее настроение, но

непонятная тревога одолевала ее.

Ее собственный опыт и литература, которую она читала на эту тему, не оставляли никаких сомнений в том, что явление «телепатия» имеет место быть и она обладает способностью к ней. Это подтверждалось многими ситуациями ее жизни. Например, когда она в связи с замужеством уехала из Одессы в Сибирь, то всегда получала от мамы телеграммы (из-за отсутствия домашних телефонов) с тревожными вопросами об их жизни именно тогда, когда кто-то из них, особенно маленькая дочка Анютка, болели. Но если о большинстве случаев можно было думать как о случайных совпадениях, то некоторые другие поражали настолько, что порой лишали сна.

Одним из них был случай с начальницей машинописного бюро института в Академгородке, где Инга работала. Ефросиния Митрофановна, как звали «начальницу», была классной машинисткой, хорошо знающей себе цену. Она после школы приехала из пригорода в Новосибирск и поступила в Педагогический институт, который бросила после третьего курса, после чего окончила курсы стенографии и машинописи. Осознание своей власти и профессиональных достоинств в деле, без которого никто из основного состава сотрудников научно-исследовательского института не обходился, давало ей право вымещать на всех

неудовлетворенность своей одинокой жизнью.

Она была абсолютно замкнута, ни с кем из сотрудников не вступала ни в какие отношения за пределами сугубо деловых, хотя работала в институте лет пятнадцать. Все знали, что по окончании рабочего дня она на своем же рабочем месте допоздна печатает всякие тексты со стороны, за что берет неплохие деньги. Очевидно, это давало ей возможность прекрасно одеваться и чувствовать себя независимой. Ей было где-то в пределах сорока лет. Высокая, плоская, с жидкими светлыми волосами и такими же ресницами, которые она никогда не красила, из-за чего ее светлые глаза казались еще более холодными, чем были на самом деле.

И все же она не выглядела человеком, поставившим на себе крест. Было очевидно, что нередко она просыпалась утром с мыслью о том, что заветное «вдруг» произойдет именно сегодня, потому именно в такие дни к ней лучше было не подходить. И именно в один из таких дней нужно было срочно отпечатать последние материалы сборника трудов предстоящей конференции, за выпуск которого Инга была ответственна. Она направилась в машбюро и у самой его двери столкнулась с его начальницей.

— Ефросиния Митрофановна, — сказала она просительно, — мне тут срочно нужно допечатать

тезисы докладов. Если вы куда-то торопитесь, я оставлю папку с рукописями на вашем столе.

— Вечно у вас все срочно, у всех все срочно! — зло и нервозно изрекла машинистка. — Вы же не вчера узнали о сроках сдачи сборника. У меня вон все столы уже завалены срочным ото всех. Да еще глаза выколешь, пока ваши почерки разберешь, и все срочно. Хотите срочно, хлопчите, чтобы расширили машбюро. А то за такие деньги вы и моих трех девочек, и меня потеряете. А после рабочего дня гробиться и гнать из себя душу мы не намерены. Что успеем, то сделаем, — завершила Ефросиния Митрофановна и пошла в нужном ей направлении.

Инга Сергеевна ничего ей не ответила, вошла в комнату машбюро, положила на стол начальнице папку, на обложке которой проставила дату и время сдачи текстов, и вышла с намерением пойти к зам. директора с заявлением о недопустимости такого обращения машинистки с научными сотрудниками. Она сделала несколько шагов в направлении приемной, затем резко свернула и пошла в свой кабинет.

«Что я знаю о ее жизни, — задумалась Инга. — Столько лет мы с ней работаем и ничего не знаем о ней, — размышляла она, — а ведь машинистка она классная. Она не только прекрасно печатает, но видно, что любит тексты, поэтому

творчески с ними работает. Она чувствует текст и всегда грамотно, точно и красиво его располагает и даже порой по своей инициативе редактирует. Ну где мы еще найдем такую. И почему она такая злая? Хорошо бы с ней разговориться, узнать хоть что-то о ней, о ее личной жизни. А если ей чуть навести макияж, ее лицо бы стало более мягким, женственным. И вправду, как ей удастся разбирать наши жуткие «каракули»? Так ведь разбирает и никогда не допускает ошибок...»

В конце рабочего дня, уже перед уходом домой, Инга решила зайти в машбюро, чтобы узнать все же, что ждет тексты, которые она там оставила утром.

Ефросинья Митрофановна была одна в комнате и, достучав с немыслимой скоростью кусочек текста, от которого не сочла нужным оторваться, повернула голову к зашедшей.

— Половина вашего материала уже готова, можете взять, если хотите, — сказала она без всяких вступлений, — а завтра к обеду будет отпечатано все остальное.

— Да?! Спасибо! А где, где отпечатанное? Конечно, я возьму и смогу уже сегодня вечером выверить. — Говорила Инга осторожно, боясь спугнуть миролюбие машинистки.

— Сейчас сама дам, а то вы все тут перевернете, — сказала машинистка, не глядя на

гостью. Она встала со своего рабочего места и направилась к столу, где лежали отпечатанные за день тексты.

— Конечно, конечно, я вам очень благодарна за то, что вы пошли нам навстречу, — угодливо сказала Инга.

Машинистка, словно не слушая Ингу, взяла нужную папку, в которую положила напечатанное вместе с рукописью, и протянула ее Инге со словами, смысл которых Инга Сергеевна не сразу смогла осознать из-за их крайней неожиданности.

— Садитесь, Инга Сергеевна, — сказала Ефросинья Митрофановна с несвойственными ей никогда ранее оттенками теплоты в голосе, — мне понравился ваш материал. И вообще, в отличие от многих, вы пишете аккуратно. Но я не об этом. Меня с некоторых пор не покидает ощущение, что вы единственная из сотрудников в институте, тем более такого ранга, которого я интересую как человек. Не отвечайте мне, я это чувствую. Если у вас есть время, мы могли бы поговорить.

Когда спустя часа полтора Инга покинула институт, она не могла прийти в себя от потрясения. За столько лет соприкосновения с машинисткой она впервые задумалась о ее жизни, и тут же эта закрытая, недоброжелательная женщина ни с того ни с сего стала ей рассказывать о себе, словно она невидимым взором прочитала эти

вопросы, вертящиеся в голове Инги.

Этот факт совпал с одним из ярких событий Академгородка. Отличительной особенностью академгородковцев была необыкновенная щедрость на любовь к своим кумирам. Особенно эта любовь выплескивалась на приезжих, которых там всегда бывало немало: ученых, писателей, журналистов, художников, общественных деятелей. По приезде кумира казалось, что на это время менялся образ жизни, темы разговоров, выражения лиц городковцев и даже погода на улице. Одним из таких кумиров был кардиохирург мировой известности, академик Николай Амосов. Его книги «Мысли и сердце», «Книга о счастье и несчастьях», лекции о продлении активного долголетия не просто читали и перечитывали, их обсуждали, их принимали как руководства к жизни, ими жили.

Инга бегала на все его лекции и каждое его слово воспринимала как истину в последней инстанции.

Она где-то читала, что проблемы парапсихологии были в поле интересов ученого, и решила задать ему вопрос: «Что он думает о телепатии и верит ли он вообще в существование этого явления».

Амосов как лектор был неподражаем. Во всем, о чем он говорил, даже о вещах очень серьезных, наболевших, он находил место для какого-то

искрящегося юмора, что наполняло сам воздух аудитории оптимизмом и верой в возможность жить счастливо и долго. Первыми словами этой лекции были: «Дорогие мужчины! Наш сильный пол вымрет, если мы не возьмемся за свое здоровье, потому что статистика показывает, что разрыв в средней продолжительности жизни мужчин и женщин увеличивается. И первое, что нам нужно сделать — это гнать в шею жен — хороших кулинарок, потому что чревоугодие наш самый злейший враг...» Хохот, улыбки и восторг слушателей — подлинная атмосфера, которая царила в зале.

Задавая ему свой вопрос, Инга не исключала, что услышит что-то ироническое, потому что Амосов всегда подчеркивал, что придерживается материалистических взглядов на природу человека.

Каково же было ее удивление, когда он ответил примерно так: «Глупо отрицать факты, которые зарегистрированы несчетное число раз. Здесь я могу процитировать физика В. Лошкарева, который о явлениях парапсихологии говорил: «Это — другая физика. Иногда она замыкается на «нашу», и тогда получаются «чудеса». Я сам много интересовался этим, но мало что видел сам».

Уже сам факт, что ученый-материалист не высмеял ее вопроса, а говорил об этом всерьез, по сути, не отвергая этого явления, произвел на Ингу

тогда очень сильное впечатление, потому что это давало основание относиться серьезно к тем фактам ее жизни, которые она сама не хотела принимать всерьез.

Правда, недавний факт заставил все же поставить под сомнения свои предполагаемые телепатические способности. Это было, когда муж уехал в последний раз в Россию. Ее не покидали какие-то неясные тревоги. Она даже не могла спать ночами от учащенного пульса и дрожи во всем теле. Когда Саша благополучно вернулся, она свои тревоги объяснила естественным состоянием при разлуке, и не более того.

И вот сейчас, перед самым приходом гостей, ее снова, казалось, на пустом месте, охватило точно такое же состояние, как и тогда.

Тревожные ощущения вытеснил звонок в дверь.

Саша, окруженный российскими гостями, сиял каким-то особым сиянием, когда появился на пороге. Он тут же представил Инге гостей. Она никого из них не знала ранее. Они были моложе Инги с мужем лет на 10 – 15, и все с физмата Московского университета. Двое мужчин — Владимир Степанович и Петр Алексеевич, как Инга узнала сразу при знакомстве, приехали на неделю, а женщина, Светлана Георгиевна — на два месяца.

Вслед за ними стали подъезжать

американские гости — сотрудники кафедры с супругами. Она их всех знала, они всегда относились к ней крайне дружелюбно, но сегодня одаривали ее самыми восторженными комплиментами. И ей казалось, что они увидели ее впервые хоть в чем-то похожей на ту, какой она была в России.

К удовлетворению хозяйки, Болтунский приехал без своей угрюмой и завистливой жены, которая уже одним видом могла испортить настроение. Гости рассаживались в гостиной, и Саша тут же начал предлагать напитки и разносить на подносе приготовленные женой для аперитива деликатесные закуски (покрытые красной икрой сухие, подсоленные бисквитики, разные орешки, маслины, сыры).

Гостиная сразу наполнилась шумом и гамом, напоминающим атмосферу интеллектуальных вечеринок в Академгородке.

Оставив увлеченных разговорами гостей, Инга пошла в обеденную комнату, чтобы проверить, все ли готово к приглашению их к столу.

Она ходила вокруг стола, пересчитывая приборы, и услышала вошедшего Болтунского.

— Опять наши соотечественники?! — начал он с порога. — Они, видите ли, не хотят, как я, например, переехать сюда. Нет, они себе сидят там, у себя, на своих насиженных местах в институтах,

на кафедрах, и живут неплохо за счет грантов, которые им дает Америка.

Инге были настолько отвратительны сентенции Болтунского, что она неприкрыто демонстрировала свое недовольство этой беседой. Но он не уходил, пользуясь тем, что она, а сама уйти не может, так как ей нужно завершить оформление стола. Она знала, до какого циничного уровня он может довести разговор. Более того, она знала, что цинизм этого человека был не только формой, но сутью его отношения к людям, поэтому он никогда не обижался при любой, даже крайне негативной реакции на его слова. А если грубо выставить его за порог, он при следующей встрече поведет себя как ни в чем не бывало. Потому сейчас, чтобы не испортить себе вечер, она решила не реагировать на него всерьез.

— М-да, — продолжал язвить Болтунский по волнующему его вопросу: — «У советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока с протянутой рукой». Ну, как я осовременил Маяковского? — Он расхохотался, посчитав, очевидно, свой каламбур очень остроумным.

— Ну, во-первых, они уже не «советские», как вы изволили выразиться, — сказала Инга иронически, дав ему понять, что не намерена вести с ним разговор хоть сколько-нибудь серьезно.

— А как тебе Светлана? — перебил

Болтунский. — Она из тех московских львиц, которые коня на скаку остановят. Правда, насчет горячей избы — вряд ли, то есть сама — вряд ли. Она лучше уж кого-нибудь подставит. Она давно хотела куда-нибудь «в заграницу»... И вот наконец «повезло ей, повезло ей, повезло, и в Америку Светлану занесло»... — Анатолий почти истерически расхохотался, выражая удовлетворение своим экспромтом. — Что-то, Инга, у меня сегодня поэтическое настроение. К чему бы это?

Инга тоже рассмеялась невольным, нежеланным смехом, какой бывает от щекотки, но быстро остановилась и тем же ироническим тоном продолжила:

— Вот ты у нас, Толик, — ходячая энциклопедия. Ты все про всех знаешь. Я бы на месте американцев отменила все справочники «Who's Who» с тех пор, как ты сюда приехал. Зачем они нужны, когда обо всех можно узнать у тебя...

— А ты не иронизируй. И то, что я говорю, я знаю точно. И я все знаю о Светлане. Она либо место хорошее на кафедре завоюет, либо заарканит кого-нибудь с положением, чтобы остаться. Правда, среди американских профессоров в нашем университете неженатых мало, а женатые боятся на женщин смотреть, чтобы в «секшувал харазменте» (сексуальных домогательствах) их не обвинили.

Значит, можно вычислить, что она будет охотиться за кем-то из наших.

Инга снова рассмеялась и сказала:

— Вот я позвоню твоей Томе, чтобы она за тобой следила, а то вдруг эта красивая женщина тебя заарканит.

— Да, Светлана недурна собой — это правда. Но, во-первых, я с красивыми давно покончил, как всем известно, а во-вторых, чего ей меня арканить. У нее другие масштабы, и вообще я тебе скажу, что если б не твой муж, Светлане Георгиевне Америки бы не видать как своих ушей без зеркала.

— Ну и хорошо. Я горда своим мужем, если ему удалось то, что не удалось другим. Он всегда, чем может, старается помогать бывшим коллегам, соотечественникам.

— Да, но она же не бывшая коллега. Ты ведь ее наверняка не знала раньше. По-моему, твой муж с ней познакомился, когда был в командировке в Москве, где-то полгода назад.

— Ну, Толенька, всегда говорили: «будешь много знать — скоро состаришься». И зачем мне стариться, если у меня такая прекрасная жизнь, и, кстати, благодаря моему же мужу.

— Я не думаю, что тебя может устраивать такая жизнь.

— Ну почему же?! Там я занимала солидное положение, добилась многого. Я прошла по

максимуму в своей карьере. Теперь другая жизнь, не менее прекрасная и такая спокойная.

— Ну, «покой нам только снится», сказал поэт, как ты знаешь. И покой всегда под угрозой того, что его могут нарушить. И твой покой, в том числе.

— Ты, что ли, собираешься меня будить серенадами под окном? — рассмеялась Инга. — Я не возражаю, даже подарю тебе гитару.

— Я понимаю, — сказал Болтунский, делая вид, что не слышал последней реплики. — Я понимаю. Вы с Сашей пример современной семьи, где каждый свободен. Там, в России, Саша тебе позволял погуливать на привязи, а ты ему. И здесь ничего не должно меняться. Ведь посмотри на своего мужа, он, как мальчик, весь играет. Вот только ты меня смущаешь, не похоже это на тебя, насколько я тебя представлял по академгородковской жизни. Ты как-то успокоилась, засела дома. Конечно, здесь тебя не окружают академики, у тебя нет таких стимулов, как там... Но быть домохозяйкой — это явно не для тебя, Инга.

Инга видела, что Болтунский осознанно водит ножом по живому, издевается и выдает какой-то подтекст... Голову чуть не разрывало от напряжения при попытке понять, что он имеет в виду, говоря об академиках, то ли хочет сделать большее из-за того, что она не работает и не имеет

такого уровня общения, какой у нее был в России, либо что-то другое... Но что? О ее тайном, очень коротком романе с академиком Останговым не знала ни одна живая душа, поэтому, упоминая академиков, он не мог это иметь в виду.

Но что-то зловещее было в иронии Болтунского, какая-то закодированная информация. Ее начало всю трясти. Болтунский видел, что вывел ее из равновесия, и, подобно вампиру, упивающемуся кровью жертвы, он продолжал что-то нести в том же духе, понимая, что у нее нет иного выхода, как терпеть его из-за присутствия гостей. «Нужно не поддаваться на провокацию и являть прекрасное настроение...» — внушала она себе, используя все резервы самообладания, и с искусственной веселостью сказала:

— Итак, Толик, мы с тобой пообщались, израсходовали массу энергии, чем нагнали аппетит. А поесть будет что, я тебе гарантирую. Так что советую пойти выпить чего-нибудь крепенького и подготовиться к принятию пищи. А мне нужно изъять незаметно мужа, чтобы он зажег свечи в подсвечниках на столе до того, как я всех приглашу сюда.

Инга прошла в гостиную, где гости, очевидно, чувствуя, что вот-вот их пригласят в обеденную комнату, уже встали с кресел и диванчиков, образовав тесный, наполненный веселыми

разговорами кружок. Инге нужно было незаметно просигналить глазами Саше, чтобы он вышел. Он был на противоположной от нее стороне комнаты, и когда она посмотрела в его сторону, оцепенела. Она уже ничего не могла видеть вокруг, кроме глаз! Это были глаза ее мужа и глаза Светланы Георгиевны, обращенные друг к другу...

* * *

ЛИНА открыла глаза и посмотрела на висящие на стене напротив часы. Было восемь утра. Из приоткрытого окна слышался шум дождя. Сначала она не могла сообразить, где находится. Но уже через мгновение память, хоть и не вполне ясно, воспроизвела происшедшее, и в том числе ощущения физической близости с начальником. Трудно было разобраться — это она неосознанно воспользовалась ситуацией, чтобы удовлетворить свой голод по мужской ласке, или он воспользовался ее опьянением, чтобы удовлетворить чисто физиологическую потребность, возбужденную алкоголем. Память воспроизводила не только его ласки по отношению к ней, но и ее по отношению к нему. Но она четко понимала, что этот ночной дурман — не более чем случайное совпадение обстоятельств и может создать ей немало сложностей на работе, которая

для нее сейчас была важнее всего.

Она лежала под одеялом совершенно голая и не знала, что делать. Стояла мертвая тишина. Завернувшись в простыню, Лина с опаской выглянула в приоткрытую дверь. Убедившись в том, что никого не видно и не слышно, она тихо выскользнула за дверь и тут же натолкнулась на вход в ванную комнату.

Какое-то время спустя она себя поймала на том, что застыла под душем без всяких движений, охваченная ощущениями прошедшей ночи. Она впервые задумалась над тем, что обкрадена радостью сексуальной жизни. Она, по сути, не знала от мужа нежности, которая бы способствовала гармонии в их близости и приносила и ей моральное и физиологическое удовлетворение в постели. Быть может, потому ей по ночам снились эротические сны. В них не было секса как такового, но были ласки, нежность со стороны каких-то символических мужских образов, вызывавших возбуждение, на котором обычно сон прерывался.

После таких снов она нередко ходила с головной болью, подавленная. Олег так строил их отношения, что она в этих вопросах не имела права голоса, поэтому с ним заговорить на эти темы она просто боялась, так как он бы обрушил всю вину на нее. Они вообще никогда не говорили на эти темы,

но однажды он где-то вычитал статью о женской фригидности и не без намека дал ей почитать, как нечто имеющее к ней непосредственное отношение.

И вот эта ночь, где она ощущала подлинную, идущую от души мужскую ласку, как бы воспроизвела один из ее эротических снов, который, однако, не оборвался в кульминационный момент, а позволил ей насладиться всей гаммой ощущений, предопределенных природой для этой ясной и в то же время загадочной стороны жизни человека...

Лина выключила душ и, снова завернувшись в простыню, проскользнула в комнату, где спала ночью. Не успела она захлопнуть дверь, как на пороге, держа хрустальную вазу с огромным букетом цветов, появился Данила Иванович. Лина опешила, не зная, что сказать. Он поставил вазу на пол, не говоря ни слова, и приблизился к ней, стягивая с нее простыню. Он нежно взял ее на руки и отнес в спальню, меблированную роскошной белой мебелью, где главным предметом была огромная, почти на всю комнату кровать...

На следующее утро, проснувшись, она вспомнила прошедшие сутки до момента, когда погрузилась в сон, как что-то совершенно нереальное, чего она и представить не могла ранее для себя, дожив уже до возраста имеющей внуков женщины.

Она еще лежала, когда Данила Иванович зашел к ней с подносом, на котором были фрукты и шампанское. Уже раскрепощенная и даже привыкшая к этому, еще два дня назад совершенно чужому человеку — начальнику, которого даже слегка побаивалась, она воскликнула:

— Данилушка, ну неужели шампанское прямо натошак? Мы же сразу опьянеем.

— Я именно этого и хочу, — сказал он взволнованно. — Я хочу, чтобы мы опьянели и весь день провели здесь в постели, как вчера.

Лина ничего не ответила и только молча улыбнулась. Она действительно не знала, как себя вести, но определенно не хотела упустить ничего из того счастья, которое на нее свалилось так неожиданно. Она знала, что это сиюминутное, ниспосланное волей обстоятельств счастье подобно откровенности в поезде двух случайных пассажиров, которые предельно откровенны только потому, что знают, что, выйдя из вагона, никогда в жизни не встретятся.

Спустя какое-то время пустая бутылка шампанского уже валялась под кроватью, и Данила Иванович, облокотившись локтем правой руки на подушку, начал проникновенно говорить.

— Послушай, Лина, ты не смотри, что я чуть охмелел. Может, я специально старался охмелеть для смелости. Но говорить я буду очень трезвую

вещь... Я хочу, чтобы мы поженились... Представь, как мы заживем! Ты можешь стать мне хорошей опорой в моей фирме. Вот подпишем контракт с американцами, развернемся еще больше, будем всегда ездить всюду вместе. — Он сделал паузу, нежно поцеловав ее недоуменные огромные глаза, и продолжил: — Ты умница, ты прелестная женщина, ты мне нужна.

— Милый мой Данилушка, — сказала Лина, погладив его по голове. — Данилушка — какое у тебя, однако, имя: Данила, Данила-мастер, помнишь замечательный фильм «Каменный цветок»? Да откуда тебе помнить. Ты еще и не родился, когда этот фильм вышел на экраны. — Лина потрепала его чуб. — Там играл артист Дружников. А ты даже чем-то на него похож, только волосы у тебя светлые. Данила-мастер. А ты и есть мастер. Ты молодец. А ведь тебе всего сорок пять — юный возраст для мужчины. — Она притянула к себе его голову и нежно поцеловала. — Ты хороший, Данилушка...

Данила Иванович, отодвинув прядь волос с лица Лины, нежно поцеловал ее в щеку.

— Лина, Лин, я хочу повторить, что делаю официальное предложение: выходи за меня замуж! Мы заживем хорошо. Я подружусь с твоими детьми. Увидишь, Увидишь...

Лина чувствовала себя опьяневшей и от

шампанского, и от его слов.

— Данилушка, — сказала она тихо, нежно, — милый, милый, ну подумай, о чем ты говоришь? Какая женитьба может быть? Ты младше меня на 10 лет. У меня четверо взрослых детей, внуки пошли. А у тебя вообще еще нет детей. Такому молодому, сильному мужчине нужно срочно снова жениться на молодой, красивой, народить много детей. Так зачем тебе такая старая кляча, как я?

Слово «кляча» почему-то ее страшно рассмешило, и она вдруг, сама того не желая, почти истерически расхохоталась, так, как не смеялась с самой юности. Она прикрыла лицо руками, от хохота содрогалось ее тело и вся постель. Все это крайне возбудило его, и он всей мощью своего атлетического, сексуального тела накрыл ее, заставив нервный смех перерасти в нежные звуки любви.

— Лина, я тебе все сказал серьезно, — продолжил Данила Иванович, остывая после вплеснувшей страсти. — И при чем тут возраст, дети! Ты моложе многих тридцатилетних, потому что ты не растрчена. Поверь, я немало познал представителей вашего «прекрасного» пола. Ты юная, в тебе все проявляет нереализованность как личности и как женщины. Ты отдала всю свою жизнь, молодость семье. Ты ничего не знала в себе, не знала, какова ты в любви. Все проявляет ее

нехватку в твоей прошлой жизни. Твой муж тебя не ценил, он не хотел понять, каким сокровищем он владел, потому гонялся за всякими шлюхами...

— Оставь это, Данила, пожалуйста, не трогай моего покойного мужа, — моляще произнесла Лина, расслабленно лежа на спине.

— Ах, теперь не трогай, — сказал ожесточенно Данила, встав с постели и начав нервно натягивать спортивные штаны.

Лина тоже встала, надела попавшуюся под руку его белую футболку, которая укрыла ее до колен, и подошла к нему с мольбой.

— Прошу тебя, Данила, успокойся. Ну что ты. При чем тут мой покойный муж сейчас. Оставим его в покое. Ну так случилось, попался в сети к проститутке и пострадал. Он был хорошим человеком, отцом моих детей, он был известным ученым, много работал и своими успехами обеспечил нам благополучную жизнь...

От этих слов Данила воспылал к покойному мужу ставшей ему очень близкой и желанной женщины ревностью, которая, как мощный катализатор, усиливала реакцию выпитого натошак алкоголя. Не обращая внимания на мольбы Лины, он с высоты своего огромного роста продолжал в гневе:

— А почему ты так его защищаешь? Ты, кажется, несмотря ни на что, продолжаешь любить

его, покойного! Он мало тебя топтал? И это он-то хороший человек?! Это он-то обеспечивал благополучную жизнь вам?! Не ты ли мне рассказала, как он набрасывался на твоих подруг еще в первые годы вашего супружества? Не от тебя ли я узнал, что когда он поехал на четыре месяца в Америку, там связался с вонючей эмигранткой — дочкой твоей подруги, которую пригласил в твой дом!!!.. Это ж кому-нибудь сказать. Нормальные люди не поверят... И это только то, что ты знала. Наверняка этот бабник гонялся за каждой юбкой. Я знаю таких типов, которым нравятся все женщины, кроме собственной жены.

— Данила, прошу тебя, остановись. Ты невменяем. Остановись, потом тебе будет стыдно, — умоляла Лина.

— Ах, мне еще будет стыдно? Мне должно быть стыдно за то, что я предостерегаю, пытаюсь избавить твою память от этого подонка?! Да ведь еще неизвестно, сколько всего бы на тебя обрушилось, если б не этот путч. Этот путч спас тебя, так что молись не мужу своему, а Янаеву с Крючковым.

— Данила, прошу тебя, остановись. Давай сменим тему. Ты невменяем. Я принесу тебе воды.

Лина стремительно направилась к двери, но Данила уже не владел собой. Он грубо схватил ее за руку, не позволяя выйти из спальни.

— И не надо мне говорить, — кричал он, — что твой ублюдок попался в сети к проститутке... Я со всей ответственностью заявляю, что ни один мужик ни в какие сети и капканы ни к одной бабе не попадет, если сам туда не ползет. Уж поверь, у меня опыт есть в этом деле. Так что твой муж был подонком, который считал тебя просто дурой! Нет, он тебя вообще за человека не принимал. И тебе, и твоим детям, и ему в том числе повезло, что он вовремя умер.

Лина почувствовала, что весь алкоголь выветрился, и она вполне осознанно стала кулаками колотить его огромное, сильное тело, рыдая и выкрикивая:

— Замолчи, прошу тебя, замолчи, ты не смеешь, ты просто дьявол какой-то!!!..

Данила, опомнившись, застыл, молча принимая ее удары.

Лина тоже опомнилась и опустила руки.

Данила опустился перед ней на колени, прислонив свою голову к ее животу.

— Пожалуйста, встаньте, я прошу вас, — сказала она раздраженно, чтобы пробудить его чувство собственного достоинства. Более всего она не хотела его унижений перед ней, и тем более покаянных ласк, потому что он был ей неприятен в эти минуты.

Данила Иванович сразу это понял, встал,

прошел к кровати, начав ее чисто автоматически прибираться.

В течение полутора суток, проведенных с ним, в основном в постели, Данила казался Лине старше и опытнее ее. Сейчас же он превратился в растерянного, неопытного юнца. Она встала у окна лицом к улице и, опершись руками о подоконник, тихо сказала:

— Это очень хорошо, что вы уезжаете в командировку на месяц. Потом я еду на такой же срок в Москву, как вы говорили, для работы с документацией в связи с американским контрактом. Два месяца нам дадут возможность опомниться. А потом мы решим, можем ли в дальнейшем продолжать работать вместе. Все в жизни бывает, мы люди взрослые и можем, я думаю, подняться над хмельным приключением, произошедшим с нами. Но я пойму вас, если вы сочтете необходимым, чтобы я ушла из вашей фирмы для психологического комфорта на работе. И я оставляю за собой право принять решение об уходе, если пойму, что мне трудно с вами работать. Вы, ваша фирма многое вложили в меня: и в патентоведческие курсы, и курсы английского. Я все это никогда не забуду и постараюсь быть вам полезной всегда... А сейчас, извините, мне нужно собраться, чтобы поехать домой.

Данила понял, что сейчас именно тот случай,

когда ни одно слово в речи Лины не допускает возражений и комментариев.

* * *

НОННА глянула на часы и, удостоверившись, что Ася появится примерно через полчаса, приступила к приготовлению ланча.

Между тем Ася приближалась к дому матери.

Настроение было светлым и радостным. Ее новый белый «Лексус», казалось, не ехал по бетонной дороге, а плыл по зеркальному водоему. Она вставила CD-диск, который купила недавно в русском магазине. Там были записи популярных в 70-х годах мелодий. Звучала крайне сентиментальная, скорее даже печальная мелодия, «Мама» в исполнении оркестра Поля Моруа. Ася помнила ее хорошо с одесского детства.

Тогда, еще 9 – 10-летней девочкой, она слышала эту мелодию на каком-то иностранном (не то испанском, не то итальянском) языке, и песня начиналось со слова, которое на всех языках звучит одинаково. Песня ей так нравилась, что она ее часто сама напевала на свой лад: «Мама! Ни-на-на, на-на на, ни на. Мама, на-на — на, на-на, ни на-на...»

Мама с папой разошлась. Потом у мамы были мужчины, мужья, она вечно куда-то убегала, оставляла Асю у подружек и родственников, где ей

было одиноко. Когда изредка мама с ней куда-то ходила (в кино, в цирк, просто гулять по Дерибасовской или на пляж), все смотрели на маму, и Ася крепко держала ее за руку, чтобы все видели, что это ее мама. Иногда к ним подходили прямо на улице, и мужчины, и женщины, и говорили, что они обе красивы, но Ася считала, что это все из-за мамы, потому что мама была самая красивая.

У мамы такая фигура, ее спина похожа на гитару, на которой играл мамин муж-моряк дядя Володя. А у Аси фигура прямая, как доска. Иногда она брала ленту и до боли затягивала талию, но как у мамы фигура не получалась. Вот когда она вырастет, поправится, наденет как у мамы лифчик, туфли на каблуках, накрастит губы и вместо косичек сделает как у мамы прическу, тогда, может, она станет красивой. В те редкие часы, когда мама уделяла ей внимание, она была очень добра к ней, покупала все, что она хочет. Но даже эти счастливые мгновенья у Аси были всегда овеяны грустью, так как она знала, что это счастье не надолго, мама опять будет занята, вся в бегах, и ей будет не до дочки.

Ася не обижалась на маму, она ее жалела, потому что при всей ее веселости она нередко ночью громко плакала в своей комнате.

Мелодия закончилась, но Ася нажала кнопку и вернула диск к началу, чтобы снова услышать эти

же звуки. Ей не хотелось уходить от воспоминаний детства, где была любовь и нежность по отношению к матери. Ей так хотелось, чтобы не было этих страшных лет их неприязни друг к другу, всего того, через что она прошла за годы эмиграции. А более всего ей хотелось, чтобы не было этой трагедии с Олегом и неизгладимого чувства своей вины в его смерти, которое, как шлагбаум, похоже, навсегда перекрыло ей путь к душевному покою.

Когда машина подъехала к гаражу, Нонна уже стояла у его двери, ожидая дочь.

Ася с букетом цветов радостно вышла из машины, и после радостных приветствий с объятиями и поцелуями мать и дочь вошли в дом. Со стороны их можно было принять за близнецов, настолько они выглядели схоже лицом, фигурой, походкой и возрастом из-за необыкновенной молоджавости матери.

Женщины расставили все принесенное для ланча на столик у бассейна и устроились в уютных креслах, приступив к трапезе. После недолгого, ничего не значащего разговора Нонна решила подобраться к главному, что ее беспокоило в жизни дочери сейчас.

— Доченька, — сказала осторожно Нонна, заглядывая дочке в глаза, чтобы понять, готова ли Ася к откровенности. — Я хочу тебе задать один

вопрос, но если ты не хочешь, можешь не отвечать. Скажи мне, есть ли у вас с Майком планы оформить ваши отношения?

— Я пока сама не знаю, мама, — сразу ответила Ася, словно именно этого вопроса ждала.

— Но от кого это больше зависит: от тебя или от него?

— Думаю, что от него больше. Я думаю, что если б он мне сделал предложение, я бы дала положительный ответ.

— А ты сама определилась в своих чувствах?

— Думаю, что да, мама! Я его люблю... Ну, может, не так страстно, как Олега — это была единственная любовь моей жизни, — но Майка я люблю. Я думаю, что никогда не захочу его променять ни на кого, если он будет моим мужем. Мне с ним хорошо.

— Так в чем же дело?

— Дело в том, мамочка, что он не делает мне пока предложения. Я думаю, что основная причина в том, что он не хочет новых детей. У него уже есть трое от первого брака. Он с ними поддерживает постоянно отношения, они любят друг друга, им хорошо вместе. Они часто встречаются, ежедневно перезваниваются, и ему этого достаточно. И он понимает, что я хочу хотя бы одного ребенка...

— Да, доченька, я постоянно думаю об этом. У тебя возраст уже поджимает для первых родов.

— Я думаю, что Майк это тоже понимает, и это придает некоторый дискомфорт его жизни со мной.

— И ты думаешь, что Майк еще не решил, хочет ли он иметь с тобой ребенка, потому не делает предложение? — перебила Нонна дочь, поскольку ей рассказы о жизни Майка было совершенно неинтересны, особенно сейчас.

— Мамочка, тут все глубже.

— Что же глубже?

— Я не знаю, как тебе объяснить покороче. Понимаешь, мы пришли друг к другу из разных жизней. Я прошла через многое, мама. Ты даже не представляешь, через что я прошла, мама. Мы никогда с момента нашего приезда в Америку не были с тобой близки, как сейчас, и ты ничего не знала о моей жизни. Я прошла через многое: через взлеты и падения, через низкое и высокое. Я в Голливуде работала одно время массажисткой, ты знаешь... И ты не представляешь, какие у меня были мужчины, куда они меня возили, в каких гостиницах я жила.

Я все это воспринимала, мягко говоря, слишком романтически и наивно... Я уже грезила о сказочной жизни, о том, что меня кто-то приметит, выпустит на экран или на обложку журнала. Но ничего такого не произошло, как знаешь. Я решила уехать оттуда и чувствовала себя побитой и

ничтожной. А в Нью-Йорке в разных тусовках начала себя самоуничтожать. В чем только я не участвовала, я перепробовала все наркотики.

— Ася сделала небольшую паузу, а Нонна чувствовала, что ее сердце может разорваться от сострадания к дочери. — Не знаю, что бы было, мамочка, — продолжила Ася, глядя в стол, который нервно протирала упавшим с дерева листом, — если б не встретила случайно на Бродвее Фаньку Костецкую. Ты ж ее помнишь, еще с Одессы... Когда мы встретились на Бродвее летом 1990 года, она уже работала врачом, а муж, с которым они незадолго до того поженились, начинал карьеру в университете. Фанька мне показалась такой доброй, чистой, спокойной, благополучной, как человек с другой планеты, на фоне моего самоощущения. У нее и в мыслях не могло возникнуть, какая дистанция нас разделяет, и она меня пригласила к ней домой на вечеринку.

Это была пятница, и я решила поехать. Как только я зашла в дом, я ощутила, как лазерный луч, сверлящие меня глаза незнакомого мужчины. Это, как ты догадалась, были глаза Олега. Он влюбился просто с первого взгляда. А через несколько дней после первой встречи сделал мне предложение. Он сказал, что поскольку его дети все самостоятельные, проблем с разводом не будет и, как только я приеду в Россию, куда он меня тут же

пригласил, мы оформим официально наши отношения. Ему осталось два месяца до конца командировки, и мы жили вместе до его отъезда. Дальше ты все знаешь. — Ася снова заплакала. Нонна предложила ей выпить кофе. — Мама, мамочка, я не могу избавиться от этого чувства вины в его смерти, — рыдала Ася, — я не могу. Это чувство подчинило себе всю мою жизнь с того момента, как я узнала о смерти Олега. Я не могу сполна радоваться ничему в этой жизни.

— Но, доченька, так нельзя. Ты же не могла знать, что так случится. И вообще, пора уже не вспоминать это.

— Я просто к тому, чтобы ты поняла, что я к Майку пришла уже настрадавшимся, надломленным и многое повидавшим человеком. У Майка же все наоборот. Он из тех мужчин, которые из гадкого утенка, какими бывают в юности, превращаются в прекрасного лебедя в зрелости. Он был некрасивым в молодости (я видела его фотографии) и, комплексуя перед женским полом, рано, еще студентом, женился на некрасивой, старше его на несколько лет, дочке каких-то семейных друзей. Она была его первой и единственной женщиной, пока он не развелся. Он так был воспитан. Она ему родила троих детей, превратившись в сытую бабу, ограниченную бытовыми потребностями, то есть типичную

обывательницу. Он же, наоборот, стал очень интересным, преуспевающим, привлекательным мужчиной с жадной вкушать побольше от жизни, наверстать упущенное. Они разошлись, и он зарекся не жениться. Но встретил меня тогда у вас на пикнике, и это сломало его планы.

Ты знаешь, как было дальше: он сразу же пригласил меня в ресторан и... предложил переехать к нему жить. И вот мы живем согласно разным критериям отношения друг к другу. Я хотела в нем найти тихую пристань, а он во мне — карету для выезда. В браке он не то чтобы стыдился своей жены. У американцев как-то нет этого. Но ему просто неинтересно было с ней где-то появляться. Потому он всегда и всюду бывал один. А сейчас он покупает мне все самое дорогое и хочет, чтобы я везде сопровождала его — и на самых высоких приемах, и на вечеринках старых друзей, во всех поездках и служебных встречах. А мне ничего этого не нужно. Я через столько прошла, что вижу в этом только суету и не более того.

— Так что же ты хочешь, Асенька? — разволновалась Нонна.

— Я хочу детей.

— Но дочка, не мы ли, женщины, знаем, как можно завертеть любящего нас мужчину, чтобы он делал все, что мы хотим, думая, что он делает все

по-своему.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, мамочка. Но пока не получается. Пока я чаще всего делаю то, что он хочет. И он тщательно контролирует эту ситуацию... Я стала думать вот о чем. Я слишком быстро согласилась переехать к нему. Я слишком легко ему досталась. А теперь я думаю, что, может, стоило бы нам на время расстаться. Может мне стоит вернуться на несколько недель в Нью-Йорк.

— Зачем, поживи у нас! — разнервничалась Нонна от нежеланной перспективы снова разъехаться с дочкой.

— Нет, мамочка. Это будет выглядеть непонятным, если я буду жить с ним в одном городе, и не у него. Это будет выглядеть как ссора, а я не хочу с ним ссориться, уходить от него... Понимаешь, когда я думала о замужестве с Олегом, я не мечтала тогда о детях. Наоборот, я думала о том, что заживу с ним такой веселой жизнью, о которой мечтала в юности. Жизнью без быта, где одни путешествия, развлечения, праздники. Но с тех пор все изменилось. Меня той уже нет и в помине. Я хочу одного — свой дом, наполненный счастливыми голосами детей. И все! Мне не нужны светские тусовки и сногшибательные наряды. Я хочу тихую жизнь.

— Но, может, все так именно и будет,

доченька. Майк же любит тебя, это по всему видно. И как порядочный человек понимает, что для первого ребенка время уже поджидает, и раз ты с ним живешь...

— Мамочка, — перебила Ася нервно, — не забывай, что он американец и если он что-то понимает, то это то, что я сама отвечаю за себя! А наши отношения, на которые я согласилась, его ни к чему большему, чем имеет место быть, не обязывают... «It is your choice» (это твой выбор) — единственное, что он может мне сказать. Потому единственный путь, который я вижу, — это чуть испугать Майка тем, что он может меня потерять. Если он меня любит и думает о чем-то более серьезном со мной, это сразу станет ясно. Он либо прилетит немедленно в Нью-Йорк ко мне, будет теребить по телефону, либо примет без особых эмоций мой отъезд...

— Асенька, ты у меня умница. Когда же ты намерена ему сказать об этом?

— Не знаю, мама. Эта идея только пришла мне в голову. Но для решения я еще не созрела. Мне нужно настроиться. Подожду, присмотрюсь еще немного.

— Асенька, а знаешь что! У меня родилась идея! Давайте вчетвером съездим в круиз на Новый год. Знаешь, со стороны виднее. За неделю круиза я тоже смогу кое-что увидеть. Не торопись с

отъездом. Давайте отгуляем Новый Год. А до него еще более двух месяцев. А мы будем и вместе, и отдельно с вами, как вы захотите. Я скажу Бобу, — все более оживлялась Нонна, — чтобы он внес это предложение Майку как бы от себя. Посмотрим, как он отреагирует.

— Что ж, может, в этом что-то есть. Спасибо, мама, — ответила Ася, и от матери не ускользнул огонек надежды в ее глазах.

ГЛАВА 2

— Итак, мы разошлись окончательно. Я полагаю, что нас уже ничто не может воссоединить в этой жизни. Мы раскинуты по разным берегам. Ты здесь, а я там. Тебе хорошо, комфортно, вольготно и беззаботно, а мне невыносимо. И мы ничего не можем изменить. Так распорядилась судьба. Здесь все не то, к чему я привыкла, на чем выросла. Я задыхаюсь и потому живу своей жизнью, уже не связанной с твоей..

— Я понимаю, я все понимаю, Душа моя! Говорят: «Понять — значит простить». Но я не могу тебя простить. Мне всегда казалось, что мы жили в гармонии друг с другом, но ведущей была ты всегда. Да, ты, только ты. Ты стимулировала меня к тому, чтобы быть всегда в форме, быть на уровне, потому что те цели, тот уровень

потребностей, который ты задавала, требовали мобильности, активности. Твой нравственно-этический стержень был основой нашего союза, и ты определяла мои личные потребности. И мне было отрадно, что при четкой основе своих основополагающих принципов ты всегда была гибкой, мобильной, способной адаптироваться к новым условиям окружающей обстановки. И кто бы мог подумать, что здесь, в этом огромном тосковать на уровне болезни дезадаптации. Разводом ты обрекаешь меня на растительное существование. Я не знаю, как жить дальше.

— Но позвольте, друзья мои! Вы забыли малость обо мне. Я понимаю, что ваш союз был доминирующим в нашем неравнобедренном треугольнике. Но мой угол в нем — не самый маленький. И я все же немалую роль играла во всем, что с нами происходило. И в нашем состязании с тобой, Душа моя, мне порой удавалось удерживать верх. Вспомните, вспомните, тогда, тогда... Вспомните, тогда, когда и ты, Душа, и ты, Тело, почти утратили связь с реальностью. И только благодаря мне — Мысли, мы приняли верное решение.

— Знаешь что, Мысль!.. Погоди, погоди, сейчас, сейчас... Что-то я совсем сжалась от твоих слов... Погоди... Да-да, послушай, что я тебе

скажу. Чем больше проходит времени, тем больше понимаю, что не должна была тебя слушать тогда. Я понимаю, что ты руководствовалась тем направлением жизни, которое мы тебе задали, потому я тебя не обвиняю. Ты поступала соответственно общим для нас троих законам, по которым мы жили. Но я думаю, что с нашей стороны было ошибкой поддаваться твоему давлению. Мы здесь все втроем оказались никому не нужными, никем не востребованными. И потому наш союз здесь не имеет почвы.

— Ну перестань ныть, Душа моя. И тебе кое-что перепадает, и ты имеешь возможность что-то извлечь для себя, если захочешь, а ныть — это легче всего.

— Нет, ты меня не понимаешь. Я не хочу сама по себе существовать. Я хочу вернуть прочность нашего союза, когда мы взаимообогащали друг друга: я стимулировала вас, вы стимулировала меня... Мне уныло и одиноко. Я хочу любви, я хочу дерзать, я хочу трудиться. А вы меня погружаете в какой-то застой, прозябание...

— Вы снова забыли обо мне, вы забыли, что своим местом в этом мире вы обязаны мне. Вспомните слова философа: «Я мыслю, значит, существую». Вы без меня — ничто. А я, Мысль, могу существовать без вас обоих. Вот унесусь в любые неведомые дали, и вы мне не нужны вовсе.

— Нет уж, позволь с тобой не согласиться! Философ Рене Декарт в этот афоризм вложил именно личностный аспект, потому что под существованием имелось в виду не просто животное, биологическое присутствие в этом мире, а человеческая взаимосвязь с миром, его познание, включение в него, осмысленная связь с ним. Он в своем учении отождествлял мысль и бытие человека. И потому В. Г. Белинский, комментируя это высказывание философа, отмечал: «Животное чувствует свое отличие от окружающих его предметов, чувствует свою индивидуальность, но у него нет личности, оно не может сказать себе: мыслю, следовательно, существую». Так что ты, Мысль, без меня, Души, вообще ничто. Мы можем бороться, сражаться, противостоять друг другу. Но наш союз нерасторжим.

— Послушайте, Душа и Мысль, вы можете спорить сколько угодно, но я точно знаю, что душа мне сейчас не нужна. Мне необходима мысль. Причем мне необходима здоровая мысль, а ты, Душа, своими терзаниями делаешь ее больной, потому бесполезной. А мне она нужна в здравии, и только она. Вот и решайте, кто из вас важнее, между собой. А для меня сейчас ты, Душа, не имеешь значения, потому что если я попаду во власть к тебе, я погибну.

* * *

ИНГА сидела в машине и, завидев яркие очертания сказочных сюжетов из цветных гирлянд, которыми был окружен дом профессора Томсона, почувствовала себя охваченной ликованием, подобным тому, которое испытывала в детстве в Одессе, когда мама ее и сестру приводила в центр города к новогодней елке. И там, в теплой Одессе, как и здесь, в этом южном штате, не суждено было Деду Морозу быть окруженным реальным снегом. Но все равно хотелось верить, что этот добрый улыбающийся старик в красном халате и таком же колпаке раздран от сильного мороза и что белый подол халата — не вата, а следы снежных сугробов, сквозь которые он из сказочных далей явился с тяжелым мешком радости и счастья в виде подарков.

Светлана Георгиевна неделю назад уехала домой в Россию, и Инга, считая, что не имеет другого выхода, кроме как закрыть глаза на легкое (как она сама определила) увлечение мужа российской коллегой, сейчас уже старалась забыть о прошедших тревожных двух месяцах.

Саша припарковал машину, и тут же навстречу им вышли счастливо улыбающиеся профессор Томсон в большом красном

«санта-клаусовском» колпаке на голове и его супруга Джейси в таком же красном колпаке, полностью закрывающем ее черные волосы, вместо которых с внутренней стороны колпака по обе стороны, примыкающие к ушам, свисали искусственные «блондинистые» косички с бантиками. Хозяевам было в районе пятидесяти лет, но оба были полны энергии и выглядели очень молодо и спортивно.

Томсон был одним из самых уважаемых профессоров на кафедре, а Джейси, закончившая тот же университет, что и муж, с момента рождения детей никогда не работала. Сейчас, когда сын и дочь живут вне дома и не нуждаются в уходе со стороны матери, она активно занимается всякими видами общественной работы, сопровождает, как правило, мужа в поездках и создает впечатление женщины, у которой жизнь сплошной, как сейчас, в Рождество, праздник.

Джейси, набросив поверх платья забавный «золотой» новогодний передник, отправилась в ту часть огромного помещения, которое называлось кухней, где уже вовсю трудились приехавшие на праздник сын с дочкой и несколько их друзей. Они раскладывали на большие блюда купленные готовыми и приготовленные здесь холодные и горячие закуски, чтобы расставить их в столовой комнате, где столы были украшены, как и все в

доме, рождественской атрибутикой (красные скатерти, свечи в подсвечниках, знаменитые красные рождественские цветы в горшочках, обернутых в золотую фольгу, и в тон всему — красные бумажные салфетки с изображениями нарядных елок).

Пока хозяйка и ее помощники накрывали стол, хозяин с основной частью гостей находился на нижнем этаже, который был оборудован для развлечений: комнатка с игральными автоматами, комната для игры в теннис и другие спортивные игры. Но самой главной являлась комната, оборудованная как настоящий бар с бильярдом. Здесь имелась настоящая стойка с модным гранитным покрытием и встроенными с обращенной к стенке стороны умывальником и холодильником. На стенах освещенные рекламные щиты напитков. За стойкой стена обвешана полками, заставленными бутылками со всевозможными напитками, а над стойкой специальное металлическое сооружение с ячейками для бокалов и рюмок.

На стойке установлена касса. Хозяин, профессор Томсон, стоит у кассы, берет в качестве платы один цент, выдает чек и желаемый «покупателем» напиток. «Отоварившись» горячительными напитками или просто любимой «Пепси», гости расходятся кто куда: кто играет в

бильярд, кто в теннис, кто на автомате, а кто просто рассаживается для бесед с кем-то или сам по себе на диваны и кресла, которыми заставлены стены и углы всех комнат.

Обычно на приемах, в ресторанах члены каждой семьи предварительно договариваются о том, кто поведет машину домой. Тогда тот, кто не будет водителем, может себе позволить расслабиться в приеме алкоголя. Но это, однако, не приводит к снижению внутреннего контроля, самоограничения, к которому американцы привыкают в силу того, что у них основная жизнь связана с машиной.

Вся трапеза происходит в разных комнатах вверх и вниз, где гости группируются в основном случайным образом, о чем-то не принципиальном для судеб истории беседуют и рады каждому слову, реплике, дающей основание громко расхохотаться. И то, что Инге казалось здесь ранее скучным, теперь воспринимается очень приятным, забавным. Когда гости, насытившись, заметно охлаждаются к столам с закусками, хозяйка зовет желающих пройти в музыкальную гостиную. Там стоит электромеханическое пианино — инструмент красного дерева, по виду ничем не отличающийся от обычного фортепиано. По заказу гостей она вставляет внутрь корпуса инструмента соответствующий бумажный рулон, начинает бить

пальцами по клавишам, раздается мелодия любимой ими песни, которой они все подпевают. Затем включают караоке и желающие из гостей выходят петь известное и любимое...

Инге так хорошо и уютно на этом вечере, что она даже просит мужа узнать, нет ли в списке записей каких-либо русских мелодий.

Джери, сын хозяев, посмотрел список и сказал, что что-то есть. Снова глянув, он сказал: «Катиуша». Инга с Сашей, попросив минуту, чтобы вспомнить слова, дали знак для включения музыки. Но тут под названием «Катиуша» зазвучала мелодия песни «Коробейники» в современных, весьма ускоренных ритмах... «Певцы» растерялись не только из-за того, что появилась другая мелодия, но и потому, что обнаружили, что слов этой общеизвестной песни они не помнят. Деваться было некуда и, пользуясь тем, что никто не знает русского языка, они на ходу комбинировали нечто из запомнившихся слов: «Эх, полным-полна коробушка, есть и ситец, и парча... была бы только тройка, да тройка порезвей...», с трудом преодолевая хохот. Когда мелодия закончилась, все дружно зааплодировали «русским», их замечательному пению и замечательной русской песне.

Наступила полночь. Все замерли, слушая молитву, которую профессор Томсон произнес так

задушевно, что Инга почувствовала, что слезы комом сдавливают горло. После проникновенного «Амин», которое все произнесли вслед за хозяином, гостям было предложено подойти к главной, самой большой елке, подножье которой было обложено красочно обернутыми коробками и пакетами. Там были подарки хозяев гостям и друг другу, подарки, принесенные гостями хозяевам. Начался фейерверк распаковок с возгласами восторгов, благодарностей и поцелуев всех друг другу. Комната в миг превратилась в груды красочных упаковок. Цветные, золотисто-серебряные ворохи бумаг, бумажных и атласных лент и искусственных цветов сделали гостиную еще более праздничной, веселой. Сопровождаемые возгласами восторга радостные обсуждения подарков были прерваны хозяйкой, пригласившей всех к десерту, после которого все, радостные и благодарные хозяевам, начали собираться домой.

Инга была так растрогана и довольна этим праздником, что, к удивлению мужа, без предварительного согласования с ним пригласила хозяев и всех присутствовавших там сотрудников кафедры к ним на Новый год ровно через неделю.

* * *

ЛИНА заканчивала последние приготовления

к новогоднему вечеру, который их компания впервые устраивала в этом году в ресторане, и, по иронии судьбы, в том самом, где начался ее двухдневный роман с президентом Данилой Ивановичем. С тех пор прошло два месяца, и они ни разу не пересекались.

Данила Иванович тогда уехал в командировку за границу и по возвращении попал в Москве в больницу с приступом аппендицита. Операция прошла успешно. Но после операции были осложнения из-за того, что больной, не устояв перед угощениями, которые ему принесли в палату московские друзья, нарушил предписанную диету. Пришлось пробыть в больнице значительно дольше, чем положено при нормальном исходе операции.

Вернулся он в Новосибирск неделю назад вполне здоровым, общался пока только с самыми приближенными сотрудниками из руководства, и никто толком не знал, будет он на вечере или нет. Лина, с одной стороны, хотела, чтобы он там был, так как считала, что праздничная, неформальная обстановка вечера, в окружении весело настроенных людей, смягчит напряжение первой встречи после произошедшего между ними. С другой стороны, предстоящая встреча ее так волновала, что она боялась каким-то образом выдать окружающим коллегам связавшую ее с

начальником тайну.

Все это время она напряженно работала, готовясь к поездке в Америку, которая была сдвинута на несколько месяцев.

С момента поступления на работу Лина периодически пересекалась с Дániлой Ивановичем, который и принял ее в фирму более пяти лет назад. Но до случившегося между ними она, как принято для работника ее ранга, никогда не соприкасалась с ним в неформальной обстановке, мало знала его как человека и теперь не могла предположить, каким образом их случайная связь скажется на ее дальнейшей работе. «А вдруг, не желая иметь никаких напоминаний о проявленной им слабости в эти два дня их «романа», он просто пожелает избавиться от меня», — порой сверлило в голове...

Позвонил таксист, сообщив, что уже ждет ее у подъезда. Перед тем как надеть шубу, Лина еще раз осмотрела себя в зеркале. Длинное красное трикотажное облегающее платье оттачивало все достоинства ее превосходной фигуры, которую она довела до лучшей из возможных форм диеты, утренними упражнениями, посещениями клуба здоровья и вечерними прогулками. Макияж изысканно подчеркивал красоту черт лица.

Вдруг она обнаружила, что пытается оценить себя глазами Дániлы Ивановича, и даже съежилась от этих мыслей: «Еще подумает, что я решила его

соблазнять», — упрекнула себя Лина и стала нервно смывать все, что наложила на лицо.

Еще при заказе такси она решила, что лучше прибыть в ресторан позже, когда уже все сядут за стол. Ее опоздание все поймут, так как она живет дальше всех, в Академгородке. Данила Иванович, если он придет, конечно будет сидеть в центре, и все будут стараться пристроиться поближе к начальнику. Значит, свободное место будет в самом отдалении от него и всего начальства, и можно будет его тихо занять.

Расчет оказался верным. К ресторану Лина прибыла с опозданием примерно на полчаса. Выйдя из такси, она прошла к раздевалке в холле и тут же столкнулась с Марией Ивановной.

Секретарь президента, Мария Ивановна, в фирме была больше, чем секретарь. Она имела гуманитарное университетское образование, слыла человеком образованным и достойным более высокой позиции в карьере, но почти всю трудовую жизнь отдала секретарско-референтской работе при первых лицах.

Быть доверенной, быть приобщенной, видеть заискивающие взгляды посетителей в приемной — очевидно, все это компенсировало какие-то ее комплексы, и потому она этот вид деятельности предпочла дерзаниям на поприще гуманитарных наук, где, вероятно, могла преуспеть, обладая

недюжинными аналитическими способностями и усердием.

Ее высоко ценили, поощряли материально и прощали склонность к сплетням, которая, однако, сочеталась у нее с умением свято хранить доступные ей в силу служебных обязанностей «производственные» секреты.

Зато о сотрудниках, об их личной жизни, о том, что кто кому о ком сказал, кто кого с кем видел, кто с кем спал, гулял, ездил, — Мария Ивановна узнавала или «вычисляла» первой и рассеивала по ушам сотрудников. Ее рот называли безразмерным, а еще любили о нем шутить с нарушением грамматики: «Ну что утекло сегодня из рта избылия?» Этим вопросом с иронической улыбкой сотрудники часто приветствовали друг друга в начале рабочего дня.

Она была доверенным лицом Даниила Ивановича не только в производственных делах, но и в бытовых сторонах его жизни: находила ему подходящих домработниц, помогала советами в обустройстве квартиры, иногда готовила ему обеды прямо на работе, помогала при организации приемов и вечеринок у него дома, давала советы при приобретении личных вещей, вплоть до костюмов и рубашек. Когда он уезжал надолго, он ей оставлял ключ от квартиры для поливки цветов, для обеспечения уборки квартиры проходящей

уборщицей к его возвращению, и других дел.

Возраст этой полноватой, не очень красивой женщины приближался к пенсионному, но выглядела она моложаво, всегда элегантно и на пенсию уходить не планировала. С мужем она давно разошлась, дети жили отдельно. В результате разных разменов и обменов она обрела независимость в однокомнатной квартире в девятиэтажке в Новосибирске.

Марию Ивановну любили и не любили одновременно. Она была отзывчива на любые запросы в бюрократической сфере, всегда всем стараясь помогать в меру своей компетенции. Никто, естественно, не хотел, чтобы она о нем что-то частное разглашала, но зато каждый хотел от нее что-то услышать о ком-то другом. Поэтому вокруг нее всегда толпился народ, и она себя ощущала властительницей душ коллектива. Нельзя сказать, что поведение Марии Ивановны приносило ощутимый вред кому-то, что на основании ее сплетен менялось отношение начальства к сотрудникам и сотрудников друг к другу. Просто все, кому это было нужно, что-то мотали себе на ус из ее информации, либо не придавали ей никакого значения, свыкшись с этими сплетнями, как с атрибутом жизни их довольно благополучного коллектива.

У Лины, в отличие от многих женщин

компании, отношения с Марией Ивановной ограничивались сугубо производственными рамками, поэтому она не поставляла секретарю и не получала от нее никакой внепроизводственной информации. Сейчас, заведев болтливого секретаря в холле ресторана, Лина официально, вежливо поздоровалась с традиционным «С наступающим!» и направилась к банкетному залу.

Мария Ивановна же обрадовалась, что есть на кого выпустить «порох» душевного напряжения, и, не считаясь с очевидным желанием опоздавшей поскорее пройти в банкетный зал, стала на ее пути, выпаливая:

— Ой, Галина Петровна, что ж вы так! Уже все за столом! Ну, я понимаю, из Академгородка... Но ничего, ничего, зато оттянули время шока... Хотя, может, для вас это не шок. Вы вообще, хоть и очень добросовестный работник, но жизнью компании не живете, на вечерах никогда не бываете, в культпоходы с нами не ходите... Но, ради Бога, не сочтите это за упрек.

Лина чувствовала, что еще мгновение, и ее терпение лопнет, она скажет что-то дерзкое этой назойливой особе, чего крайне не хотелось в новогодний вечер. Мария Ивановна, возможно, уловила ощущение Лины и перешла к главному, выбрав еще более иронично-саркастический тон.

— Ну ладно, ладно! Извините за болтливость.

Это предновогодняя ночь располагает задумываться над основами сути бытия человеческого, и нашего, бабского, в том числе. Но это так, для раскрутки того главного, что хочу вам сообщить в нижеследующем... — Чувствовалась, что Мария Ивановна упивается предвкушением эффекта от того, что она сообщит. — И думаю, что эта новость не оставит равнодушной и вас, поскольку может коснуться нас всех. Потому предлагаю: не падайте, держитесь за меня или вот за эту стенку.

Не держитесь? Ну смотрите. Я ни за что не ручаюсь, потому что новость сногшибательна! Итак, как вы думаете: вы куда пришли нынче, а? Конечно, голуба моя, вы думаете, что пришли на новогодний бал?! Нет! Вы ошиблись, вы совершенно ошиблись! Вы при-ш-ш-ли на св-а-а-дьбу! — Лина из этих слов Марии Ивановны сделала вывод, что в этом же банкетном зале еще кто-то устроил свадьбу, что ущемило амбиции Марии Ивановны, занимавшейся арендой зала. — Не удив-ляй-тесь, голуба моя, — продолжала Мария Ивановна, уже сама ухватив Лину за локоть. — Я гово-рю серьезно. — Лина не могла не заметить, что Мария Ивановна так возбуждена, что ее шея покрылась красными пятнами.

— Да-да! Вы пришли на свадьбу, и не к кому-нибудь, голубушка! Вы пришли на свадьбу нашего пре-зи-дента, то бишь Дани-лы Свет

Ива-ныча! Да-да. Он, оказывается, в Москве не только лечился, но и любился. Вот новый термин придумала! — Она нервно рассмеялась. — А почему бы нет! Мы же говорим: «Мылся, ругался, целовался...» А почему нельзя сказать: «любился». Ха-ха. — Мария Ивановна явно тянула с финалом, из-за чего еще мгновенье, и терпение Лины могло окончательно иссякнуть. — А любился, любился так, — продолжала сражать собеседницу Мария Ивановна, — что... женился!

— Марья Ивановна, извините, я ничего не поняла, о чем вы? — спросила Лина, не веря в то, что доносится до ее ушей.

— Ну как не поняли, голуба моя! Разве я не ясно сказала? Наш Данила Иванович привез из Москвы жену. Она врач, которая его оперировала. Видать, ей так понравился вырезанный аппендикс, что она решила охмурить его хозяина. И вот... Он с ней приехал. Пока, говорят, она приехала только в отпуск на Новый год. А потом насовсем. Мне лично она не понравилась с первого взгляда. Такая, знаете, заносчивая, крутая москвичка. Хотя не ясно, чем заноситься: не так чтобы красавица и не так чтобы молода. Старше нашего Данилы настолько, что и никакой макияж не приблизит ее вид к его возрасту. Да что там вычислять возраст, если у нее дети взрослые, и даже внук. А держится, а держится... ну прямо королева. И фамилия у нее

соответствующая — Царева.

— И вы все это смогли рассмотреть и разузнать за такое короткое время? — спросила Лина, как могла, скрывая волнение, обусловленное охватившими ее неожиданно ревностью и страданием, и из-за мысли, что упустила, возможно, неповторимый в жизни шанс.

— А что ж тут не заметить?! — с неприкрытым раздражением воскликнула Мария Ивановна. — Знаете, я где-то читала, что каждая женщина — загадка для мужчины, но не представляет никакой тайны для представительницы своего пола. Да, это истинная, правда. Мы, бабоньки, все узнаем друг о дружке с первого взгляда. Это мужикам мы можем мозги пудрить и, будучи стервой по природе, выдавать себя за гения чистой целомудренности, а будучи тигрицей, выдавать себя за безобидного котенка. Но нам-то друг дружке мозги не запудришь. Мы, бабы, знаем и видим друг дружку насквозь. И я ее уже вижу насквозь. Этой бабоньке пальца в рот не клади.

Говорят, у нее муж был ученым. Так она с ним разошлась, а фамилию его сохранила. Ну зачем такой... извините, муж ученый, особенно сейчас, когда науку и ученых ни в грош не ставят и зарплаты у них нищенские. Сейчас ученый муж: идет налево — песнь заводит: «Не могу я тебе в

день рождения дорогие подарки дарить...», идет направо — сказку говорит: «Иду туда, не знаю куда, чтобы взять то, не знаю что...» А зачем такой царевне песни и сказки. Ей денюшки, ей «мерседесы», ей заграничные курорты подавай. А кто сейчас может такое подавать, как не бизнесмен? Все они такие, эти москвички, все за бизнесменами гоняются. А квартиру, говорят, московскую она сохранит, якобы, чтобы было, где останавливаться мужу в командировках.

Я уверена, что на самом деле такая здесь жить не будет. Она его в Москву перетащит. Вот вам командировка предстоит весной в Америку. Молитесь, чтобы наша фирма до весны еще здесь была, а не перекочевала в Москву. Она там будет фирмой заправлять, а мы здесь носом крутить, где бы работенку приличную найти, хоть чуть похожую по оплате и условиям на то, что нам эта фирма предоставляет. Он и опомниться не успеет, как она все к рукам приберет.

Наш Данила — он талантливый бизнесмен, а в быту, как большой ребенок. Я знаю его, как никто. Он как ребенок. Ему мамку нужно, няньку, прежде всего. Ведь он с юности еще маму потерял. Без мамы рос. Вот ему маму и нужно. Но эта ему мамой не будет. Нет, она, будучи старше его, еще будет из себя доченьку строить, чтобы он за ней ухаживал, угождал чтоб. Знаете — все жены делятся на мам и

дочек. Так эта мамой, готовой на самопожертвование, не будет. Не для того столицу бросила. И зачем ему такая понадобилась? Может, я права в своих подозрениях, что Данила Иванович детей производить на свет не может? Может, потому ему и понадобилось сразу семью приобрести с готовыми детьми?

Мария Ивановна своей тирадой все больше выдавала не только ревность к жене шефа, которая ее лишит привилегии самого приближенного к его жизни человека, но и страх потерять любимую работу и неформальный статус правой руки президента. И по мере нарастания внутреннего возбуждения красными пятнами покрылась уже не только шея, но и все лицо. Глаза же испускали стрелы ненависти к неожиданной избраннице шефа, служению которому она отдавала немало самых лучших чувств и творческой энергии.

— Ну ладно, — вдруг прервала себя Мария Ивановна, поняв, что уже переступила всякую грань дозволенного в сплетнях о своем обожаемом начальнике, — что это я? Идите, идите, и все увидите. — Она оценивающе осмотрела Лину с головы до ног и, словно впервые ее увидев, сказала восторженно: — А вы, однако, хороши сегодня, как никогда. И то, что без макияжа, совсем юной выглядите. Вот вы ведь вдова, одна живете, насколько я знаю... Вот и надо было взяться за

нашего Данилу. — Мария Ивановна и не подозревала, что каждое ее слово режет Лине душу, заливая сердце кровью страданий, поэтому все более распалась. — А она, эта москвичка, между прочим, по-моему, не моложе вас, а выглядит и того старше, хоть ухоженная и одета с иголки... Да, одета с иголки и наверняка уже с Данилиных денег. Вот с москвичек нужно пример брать. А мы все, провинциалки, комплексуем, скромничаем. Такого мужика упустили... Вот идите и полюбуйтесь.

— Да, интересно, однако, извините, Мария Ивановна, мне нужно забежать в туалет, — сказала Лина, чтобы поскорее уйти, дабы не выдать своего отчаянья.

Зайдя в туалет, она закрылась в кабинке, и ей стало ясно, что все эти два месяца, с того вечера в этом самом ресторане, она любит Данилу Ивановича, живет любовью к нему, думает о нем, следит за собой, как никогда, чтобы понравиться ему еще больше при новой встрече. Все два месяца ее истосковавшееся по мужской ласке тело жило ощущениями двух незабываемых дней любви с ним...

Столы были расставлены буквой Т и входная дверь была точно напротив перпендикулярного к остальным стола, за которым рядом с яркой брюнеткой сидел Данила Иванович. Играли те же

музыканты, что и два месяца назад, когда они, проведив иностранных гостей, забежали сюда с Данилой Ивановичем поужинать. Заиграла та же песня, под которую он впервые пригласил ее на танец.

Как она и предполагала, одно свободное место оказалось самым отдаленным от «начальственного», у перпендикулярно расположенного по отношению к краю главного стола. Таким образом она оказалась в крайнем углу сбоку.

Тут же к ней подошел веселый, дружелюбный официант, чтобы наполнить напитком ее бокал, проверить, есть ли у нее все необходимые приборы. Но ничего ни пить, ни есть ей не хотелось. Она, слегка отвернувшись так, чтобы оказаться спиной к столу президиума, завела беспредметный разговор с сидевшей рядом сотрудницей планового отдела компании, муж которой, несмотря на начало застолья, уже проявлял все признаки опьянения и едва мог открыть слипающиеся глаза. Так прошло около часа, и Лина, ни разу не отреагировав на то, что подливали, уносили и приносили официанты, почувствовала необходимость в смене обстановки и решила выйти в туалет. Не повернув головы в сторону главного стола, она прошла из банкетного зала и тут же в холле столкнулась с Данилой Ивановичем, чуть не упав в обморок от волнения.

В новой дубленке, пушистой лисьей шапке он показался Лине огромным и, как никогда, красивым. Лицо его выражало удовлетворенность жизнью. В руках он держал женскую норковую шубу, соболью шапку и, судя по всему, поджидал жену, вошедшую в туалет. Завидев Лину, президент, сияя улыбкой дружелюбия, направился к ней со словами:

— Галина Петровна, с наступающим! Я долго отсутствовал в фирме, но, естественно, в курсе всех дел и знаю, что вы успешно справляетесь с заданиями, связанными с работой над «американским» контрактом. Я очень рад этому.

Ну, мы еще поговорим об этом. — Лина слушала его и чувствовала, что ее сердце разрывается от ощущения потери... — Но главное не это, Галина Петровна, главное, что хотел вам сказать, — оживившись, почти воскликнул Данила Иванович. — Главное, что я хотел вам сказать, это то, что я познакомился... Нет, вы не догадаетесь... Я познакомился с вашим сыном! А вы с ним общались по телефону последнее время? Да? И он не сказал вам? Ну это его дело, еще скажет.

— С моим сыном?! — воскликнула Лина, охваченная волнением при мысли о том, каковы могут быть причины и последствия этого знакомства.

— Да-да, именно с вашим сыном Алешей. Он

работает в той клинике, где мне делали операцию. Правда, оперировала меня Оля, моя жена... — Он сделал небольшую паузу, словно вспоминая что-то ему одному ведомое. — Но ваш сын наблюдал за мной. Он такой у вас славный. И, говорят, врач хороший, набирает авторитет. И, знаете, мы с ним даже подружились. И как-то случайно в разговоре обнаружили, что он ваш сын. Замечательный парень.

— Спасибо, Данила Иванович, на добром слове. Мой Алеша — это чудо...

В это время к ним подошла новоиспеченная жена Данилы Ивановича с выражением счастья и обожания мужа на лице. Внешне она была полной противоположностью Лине. Жгучая брюнетка с огромными черными глазами и большими красными губами. Ее маленькая фигурка не отличалась красивыми формами, совсем плоская, почти без очертания талии, но за счет худобы смотрелась молодо, сексуально. Лицо же за толстым слоем косметики и иных покрытий явно проявляло отчетливые признаки ее подлинного возраста. С короткой стрижкой, в коротком (до колен), облегающем дорогом черном платье-сарафане, она чем-то напоминала Лайзу Минелли в фильме «Кабаре».

— Спасибо, милый, — сказала она, ласково заглядывая в глаза Данилы Ивановича, не обращая

внимания на стоявшую рядом с ним женщину. Она взяла с его руки соболью шапку, ловко набросила ее на голову и тут же подставила спину, чтобы муж помог ей надеть шубу.

Лине хотелось, чтобы либо она сама, либо эта ненавистная ей женщина провалились сквозь землю, так дискомфортно, тяжело ей было стоять здесь.

— Оленька, — оживленно сказал Данила Иванович, когда освободился от шубы жены. — Оленька, позволь тебе представить: эта очаровательная женщина не только ценный сотрудник нашей фирмы, но есть не кто иной, как мама замечательного врача вашей клиники Алексея.

— Да что ты! — воскликнула Оля, обратив восторженный взгляд своих лучистых глаз к Лине. — Это правда, что вы мама Алексея?! Ну, надо же, как тесен мир! Кто бы мог подумать, что здесь я встречу маму своего фаворита. А он много говорил о вас, говорил о том, что у вас их четверо! Я предполагала, что это должна быть немолодая, уставшая женщина. А вы так юны. Данилушка, — повернула она лицо к мужу, — у вас в Сибири все женщины такие? Ну да, они же живут в холодильнике... Значит, и меня ждет неплохая перспектива. — Она игриво рассмеялась... — Очень рада с вами познакомиться, — сказала Оля, с улыбкой почтения протягивая руку Лине.

Ваш Алеша — замечательный, редкой культуры человек и очень перспективный врач. Как хорошо, что моя жизнь в Сибири начинается с такой приятной встречи. Я как-нибудь приеду в Академгородок. Вы покажете мне его? Да? Спасибо! Действительно мир тесен, — продолжала Оля, демонстрируя искреннюю симпатию к Лине. — С новым вас годом! Пусть он принесет вам исполнение всех ваших мечтаний и счастье вашим детям!

Она приблизилась к Лине и поцеловала ее в щеку. Невольно взгляд Лины упал на лицо Данилы Ивановича. В его выражении читалось, что он не забыл об их коротком романе, что в Линином поведении с его женой он видит подтверждение того, что она была достойна его подлинных чувств, его страсти к ней, которыми он был охвачен те двое суток.

Лина в ответ поцеловала его жену со словами: «Оля, спасибо вам за слова о моем сыне. Я буду рада быть вам полезной в адаптации к сибирской жизни, если вам это понадобится. Желаю вам счастья!»

* * *

НОННА с Асей вышли из лифта, который поднял их на верхнюю палубу, где располагался

огромный бассейн, наполненный морской водой. На специальном устройстве в центре бассейна стояли в ярких нарядах и шляпах сомбреро музыканты, которые пели «Бесаме Мучо» и играли на гитарах. Публика им хлопала, а кое-кто танцевал прямо в бассейне или на его бортиках. Всюду слышался смех, звуки громких голосов отдыхающих и шум воды в бассейне и в океане.

Боб и Майк, пришедшие сюда раньше, уже искупались и уселись в баре, ведя свои мужские разговоры.

— А тут-то веселье вовсю! — воскликнула Ася. — Mamочка! Это ты здорово придумала. Что бы ни было, чем бы ни кончилось все это, но сам круиз просто великолепный.

— Асенька, дочка, ну что ты говоришь, «чем бы ни кончилось», — встрепенулась Нонна. — Я наблюдаю за Майком и убеждена, что он тебя действительно любит и рано или поздно предложит стать его женой.

— Вот именно, что может предложить слишком поздно, когда я уже не решусь рожать, — сказала Ася, глядя на океан.

— Так, доченька! Отставим все серьезные разговоры и не будем наперед портить себе настроение. Мы приехали на праздник. Через два дня мы встретим новый 1999-й год. Так, погоди минутку. — Нонна рукой поманила темнокожего

официанта, разгуливающего между шезлонгами с подносом, наполненным умопомрачительными по красоте оформления бокалами с напитками. Он тут же подскочил к ним и выдал по заказу Нонне «bloody Mary» («кровавую Мери»), а Асе «Маргариту» — первый что-то вроде острого томатного сока с алкоголем, второй — что-то вроде лимонада с мексиканской водкой «текила». Женщины с этими бокалами в руках казались еще более красивыми и нарядными.

— Асенька! Я предлагаю нам с тобой выпить. Я предлагаю локальный тост. Я хочу себе пожелать новое столетие, которое грядет, встретить бабушкой. Давай выпьем за это!

Ася, преисполненная благодарности к матери за организацию этого круиза, решила делать все, чтобы поддерживать ее праздничное настроение, и потому произнесла то, во что не верила:

— Так и будет, мамочка, так и будет. За тебя, которая будет самой красивой, самой красивой и молодой бабушкой на свете...

— Да-да, так и будет, доченька. — сказала Нонна весело. — Так, бокалы давно опустошены, мы совсем упрели, пойдем окунемся, давно пора.

Нонна, взяв Асю за руку, как маленькую девочку, потянула к бортику бассейна. Игриво задвигав бедрами в такт музыке, они спустились в бассейн и, как русалки, поплыли в водном

пространстве в разные стороны. Пароход слегка покачивало, и движение воды океана отражалось в движении воды бассейна, что приносило особое удовольствие купающимся...

Проплавав минут двадцать, они вышли. Нонна глянула на часы и сказала:

— А время-то не стоит на месте... Пошли. Нам сначала нужно отправиться к нашим мужчинам и сказать, что мы сбегает на ланч сами, потому что хотим только чуть «заправиться», чтобы оставить в желудке место на динер (ужин). Не забыла, что сегодня «формал динер», с капитаном, то есть ужин с капитаном! Ну, вечерами ты видела, как нарядно и красиво одеваются к обеду. Но то, что ты увидишь сегодня вечером!.. Это на улицах, в моллах (торговых центрах), в толпе кажется, что все американцы только в шортах и шлепках. — Нонна каждой репликой демонстрировала свою гордость тем, что, будучи русскими эмигрантами из бедноты, они попали в сословие довольно высокого уровня, почему им и дано приобщаться к изысканной стороне жизни американского общества.

Нонна и Ася повязали у талии свои юбки-накидки и направились к бару, где находились Боб с Майком. Они сидели внутри открытого бара у маленького столика с плетеными креслами. Оба расположили босые ноги на столике,

а высокие бокалы с пивом держали в руках. Они только одобрительно кивнули женщинам, сообщившим им, что идут сами, без них на ланч, и продолжили свою беседу.

Лифт привез Нонну с Асей прямо к огромному помещению — столовой, где был сервирован «буфет», этим словом здесь принято называть то, что в России называют «шведским столом». Столовая состояла из закрытой, с крышей и стенами, и открытой частей. Но поскольку Нонна с Асей были в легких накидках, наброшенных на купальник, они решили остаться в закрытой части.

Заняв столик у окна с видом на океан, они направились к центру зала, где отдыхающие с большими керамическими тарелками степенно двигались друг за другом вокруг овальной формы многоярусного сооружения, наполненного всевозможными яствами. Чуть в стороне находилось похожее по дизайну, но значительно меньшее и одноярусное устройство, у которого стояло лишь несколько человек. Там были экзотические для американцев закуски, в числе которых объемный контейнер, наполненный натуральной черной икрой. Наполнив тарелки, они направились к своему столу, когда Ася увидела в открытой части столовой, в противоположном от их стола углу, большую очередь, ведущую к какой-то стойке.

— Мам, пройдем туда, там, наверное, что-то совсем экзотическое дают, — воскликнула Ася и, не дожидаясь реакции матери, потащила ее за руку к загадочному месту, привлекавшему дымом и запахом копченостей. Только они стали в очередь, как Ася воскликнула, пораженная:

— Мама, смотри, что они уносят оттуда! Они уносят обыкновенные гамбургеры. С ума сойти. Икру они не едят и при таком изобилии всевозможных рыбных, мясных и прочих деликатесов стоят в очереди за гамбургерами. Кто бы сказал, ни за что бы не поверила!

— Да, доченька, так и есть, гамбургеры! Они их любят. Понимаешь, они не знали, что такое дефицит. Потому у них нет задачи нахватать то, что сейчас «дают», как мы привыкли. И если ты посмотришь, что у них в тарелках, то в основном они набирают то, что любят и что привыкли кушать. Они пройдут мимо балыков, дорогих колбас и возьмут кусок пиццы, пройдут мимо дорогих минеральных вод и возьмут пепси...

— Да, потрясающе, — сказала Ася, покачивая головой с выражением недоумения на лице.

— Так, дочка, пошли, — сказала Нонна игриво, — нам гамбургеры не нужны.

Радостные, счастливые мать с дочкой уселись напротив друг друга за свой столик. На фоне голубизны океана, который только и был виден за

окном, их красивые профили образовывали прекрасную романтическую картину на морскую тему для рекламы круиза.

— Как хорошо! Может, это нам награда за то, что пережили в жизни: одиночество, предательства, бедность? Ты-то, мама, точно заслужила. А я... я еще нет... — У Аси неожиданно навернулись на глаза слезы.

— Ася, Ася, оставь это! Ты настрадалась больше, чем я, и хватит! Мы приехали сюда на праздник.

Без пяти шесть они, нарядные и благоухающие дорогими духами, вышли из своих кают. На Асе было несимметричной длины черное облегающее трикотажное платье, которое завершалось у подола воланом, с левой стороны едва достигающим колена, с правой — ниспадающим до щиколотки. Плечи были обнажены, как и спина до талии, у которой платье поддерживалось пересеченным накрест тонким руликом. В руках у нее была вечерняя белая сумочка, составлявшая единый комплект с белыми босоножками на высоком каблуке. Ася излучала радость, покой и благополучие, что делало мать поистине счастливой.

На Нонне было длинное, строгое черное платье с эффектной белой отделкой. Ее туалет дополнял комплект из черных туфель с сумкой

фирмы «Шанель». Боб и Майк были одеты в черные токседо с бабочками. Когда они все четверо, как на подбор красивые, направились к месту приема, все на них смотрели и вслух выражали восторг, как принято у американцев.

Они направлялись в холл приема, у порога которого стоял в парадной белой форме капитан корабля. Им оказался испаноязычный красавец средних лет. Он каждого пассажира персонально приветствовал пожатием руки и соответствующим набором стандартных слов.

Завидев Асю, он невольно сменил специально надетую для парада улыбку на неприкрытое восхищение в глазах. Это не прошло незамеченным Майком, и он тут же протянул капитану свою руку, чтобы Ася поскорее отошла и уступила ему место для «получения» своей порции приветствия.

Затем они прошли в огромный, роскошно убранный холл, уставленный маленькими столиками с креслами. На каждом столике горели свечи в оригинальных подсвечниках. Стояли бокалы для шампанского, которые наполнялись снующими официантами — персональное угощение капитана. На стойках вдоль стен зала были разложены на красивых подносах микроскопического размера всевозможные вкусные «штучки», называемые «апетайзерами» (закуски для аппетита).

Весь этот «коктейль-ресепшн» длился полтора часа, после которого отдыхающие направились на «динер» (обед), который закончился примерно в десять часов. Ася предложила всем переодеться и выйти на верхнюю палубу, с которой доносилась музыка.

Нонна была счастлива видеть свою дочь в таком восторженном настроении и тут же поддержала ее. Ася надела купленную на стоянке в Мексике необъятно расширяющуюся к низу яркую юбку, необъятно расширяющуюся к подолу поперечными воланами и блузку с разноцветной вышивкой. Им в тон цветные босоножки на невысоком каблучке. Прилагаемым к юбке поясом в виде косички из цветных ниток она обвязала волосы вокруг головы и стала похожа на необыкновенной красоты цыганку. Нонна надела легкий хлопчатобумажный сарафан бордового цвета и в тон ему сандалии. Мужчины вернулись к дневным шортам с сандалиями на босу ногу.

На палубе, на небольшом подмостке у бассейна та же группа музыкантов исполняла зажигательные мелодии, заводя отдыхающих на танцы. Когда зазвучала традиционная для массовых танцевальных тусовок мелодия танца «Макарена», Нонна не могла не обратить внимание на дочь, в которой все (и взгляд, и невольные движения плеч) отражало реакцию на зажигательную музыку.

Матери очень захотелось увидеть дочь в этом жизнерадостном танце, ведь она так молода еще, когда же натанцеваться, если не сейчас. Но Майк солидарность с танцующими выражал лишь веселой улыбкой, не проявляя ни малейшего желания к ним присоединиться.

Танец завершился под общие аплодисменты и наблюдателей, и танцующих. Танцплощадка опустела, и Нонна взяла дочь под руку, этим как бы дав понять, что лучше пойти в более спокойное место.

В это время совершенно неожиданно палуба заполнилась мелодией «Цыганочки», очевидно, заказанной кем-то из русских пассажиров. Подобранная музыкантами на ходу, мелодия воспроизводилась ими не в точности, но обрела новые оттенки и вариации, что придавало ей какую-то особую щемящую эмоциональность.

На «Цыганочку» здесь, на этом пароходе американской туристической компании, никто не торопился откликаться. Было очевидно, что музыкантам просто так играть, без танцующих, было не интересно, и они настроились закругляться.

Но тут, может быть, неожиданно для самой себя, на площадку вышла Ася. Она сдернула с головы повязку, ее роскошные волосы разметались вокруг плеч, и она начала двигаться так чувственно

и грациозно, что и музыканты, и публика оторопели от ее красоты и адекватности наряда, как будто она заранее знала, что будет танец специально для нее. Поражали не только ее движения, но и выражение лица, сверкание глаз, обнажающих вызов всему тому, что сковывает ее внутреннюю свободу и возможность полностью раскрыть себя в любви.

Нонна смотрела на дочь, как никогда, осознавая, что совершенно не знает ее. Она никогда не задумывалась над тем, что в Асе, хоть и на одну восьмушку, но течет цыганская кровь от бабушки, Нониной мамы — красавицы Азы, наполовину цыганки.

«Ничего она о себе сама не знает, моя дочь. Сколько в ней страсти, сколько жажды жизни, жизни яркой, сверкающей. Она себя обманывает, говоря, что ей нужна тихая жизнь. Она просто устала сейчас», — рассуждала Нонна, любуясь дочерью и вновь тревожно задумавшись о ее будущем.

А Ася между тем набирала темп, и вот она села на пол, заиграв плечами, встала, подхватив юбку и играя ею, все быстрее отбивая каблучками зажигательный ритм. Публика смотрела как замороженная, и, похоже, никто не решался составить танцовщице компанию. Но вдруг к ней присоединился молодой мужчина, который стал исполнять мужскую партию этой же самой русской

«Цыганочки». Музыканты вдохновились и стали играть еще темпераментнее, а восторженная публика в такт музыке одаривала исполнителей хлопками.

Внешний облик незваного партнера никак не гармонировал с танцовщицей. Это был высокий, под ежик подстриженный блондин с большими голубыми глазами, с мощной шеей, накачанными мускулами. Он был одет в белый смокинг «tuxedo», что выдавало в нем человека, впервые оказавшегося в таком «заграничном» круизе, где принято к каждому мероприятию надевать подобающую одежду, и его костюм никак не соответствовал этой палубной «фиесте». Казалось, что его преисполненному спортивной энергией телу чрезвычайно тесно в этом «формал» костюме даже в статической позе, а тем более в зажигательном танце, который он исполнял мастерски.

Ася продолжала танец, не обращая внимания на незнакомца, который постоянно пытался поймать ее взгляд. Музыка закончилась, и под бурные аплодисменты и возгласы «бьютифул Кармен, вондерфул, горджеоус Кармен» (прекрасная Кармен, великолепная Кармен) Ася, словно выйдя из забытья, остановилась в смущении.

В поведении парня все выдавало желание заговорить с Асей. Но ее отрешенный вид

остановил его, и он скрылся в толпе, окружавшую танцплощадку. Нонна видела, что дочь после столь откровенно выраженных этим танцем чувств смущена и не знает, что делать. Она стремительно подошла к Асе, прижала, как малютку, к груди со словами:

— Ну до чего же ты прекрасно танцевала, доченька. Я и не подозревала, что ты так танцуешь. И какая ж ты у меня красавица... — Она взяла ее за руку и подвела к мужчинам. Боб и Майк ей дружелюбно хлопали, но было видно, что Ася уже жалеет об этом танце, как бывает со всеми нами, когда мы осознаем, что сказали, что-то лишнее или неуместное. Она посмотрела на Майка, пытаясь угадать его реакцию. Он похлопал ее по спине со словами:

— Это было прекрасно. Не знал, что ты так прекрасно танцуешь русские танцы. А этот русский — сильный парень. Наверное, о таких в России говорят «крутой», — сказал Майк, громко рассмеявшись, чтобы скрыть уязвленность и ревность.

— А почему ты решил, что он русский? — спросила Ася, уловив тональность Майка.

— Это я сказала Майку, что он русский. Я его видела несколько раз с какими-то людьми, старше его: двое мужчин и две женщины, они говорили по-русски. Да, а, ребята, вы, надеюсь, не забыли,

что главное еще впереди, — словно что-то вспомнив, воскликнула Нонна, чтобы сменить тему, так как не могла не видеть, что Асин танец изменил настроение Майка.

— Нет-нет, я давно очень хотела побывать на этом мероприятии. Обязательно пойдем, — сказала Ася, тоже обрадовавшись тому, что тема разговора сменилась.

— Ты не передумала, не устала? — спросил Майк Асю таким тоном, каким родители обращаются к детям, когда хотят их отговорить от ненужной им покупки в магазине игрушек.

— Майк, если ты устал и хочешь спать, то, конечно, я не пойду.

— А знаете что, — вдруг сказала воодушевленно Нонна, испугавшись, что Ася пропустит мероприятие, которое так хотела увидеть. — А вы идите оба спать, а мы с Асей вдвоем туда пойдем. Ведь ты, Майк, подобное не раз видел наверняка. Бывал же в круизах. Боб тоже. И я. Одна Асенька — нет. И вообще, что вам, мужикам, до сладостей. Идите, идите. Мы сами справимся. — Нонна ласково улыбнулась мужу, похлопывая его по спине.

Нельзя сказать, что такой поворот событий вызвал восторг у Майка, но Боб так радостно поддержал предложение жены, что Майку уже было неловко не последовать ему, тем более что по

существо это мероприятие как таковое его нисколько не привлекало.

Мужчины ушли, и Нонна с Асей направились к тому месту, где в полночь, то есть через полчаса, должна была открыться «десертная фиеста». Это было в том самом помещении, куда они ходили на ланч. Дверь еще была заперта, и Нонна с Асей встали в очередь сладкоежек, которая уже вышла за пределы коридора, примыкающего к столовой, и спускалась вдоль лестницы, ведущей к нижним палубам.

Дверь открыли ровно в двенадцать, и Ася замерла от того, что предстало ее глазам: огромные сказочные скульптуры из льда и шоколада всех цветов, многоярусные, необъятных размеров вазы с тортами, пирожными, печеньем, шоколадными изделиями, муссами, кремами, всевозможных видов и цветов мороженым, фруктами целиком и в кусочках. И все это перемежалось роскошными икебанами из прекрасных цветов, которые вместе с необыкновенной красоты пирожными и тортами представляли собой огромные красочные клумбы. Тут же стояли разнообразные сосуды с холодными и горячими напитками. Все посетители этого гурманского мероприятия с вожделением начали двигаться по кругу вдоль стоек, наполняя большие керамические тарелки и нисколько не сомневаясь при этом в невозможности все это уместить в своем

желудке.

Точно так же и Нонна с Асей, высмеивая свою жадность, вместе с тем укладывали в тарелки все, что наиболее привлекало взгляд. Уже трудно было найти свободный столик на двоих. Потому они расположились у одного из столов на четверых и тут же стали разглядывать свою «добычу».

— Да, для похудания мы сегодня постарались, — сказала Ася с веселой иронией к их слабости. — Я поняла, что здесь в кризисе питание входит в такой же разряд развлечений, как все другие шоу.

— Именно так, Асенька. — Нонна вдруг себя прервала, открыла сумочку и воскликнула: — Так точно. Я так и подумала: забыла в каюте свой ключ и мне придется будить Боба, а ведь будет поздно. Вот дура рассеянная... Знаешь что, ты посиди, а я сбегаю за ключом и буду потом чувствовать себя спокойно. Так что забавляйся сладостями, я быстро.

— Мама, давай-ка лучше я сбегаю, — предложила Ася участливо.

— Да нет, спасибо. Мне все равно еще в туалет нужно. — Нонна рассмеялась и, поцеловав дочку в затылок, быстро направилась к выходу.

Только Нонна отошла, как с тарелкой, в которой находился лишь кусочек какого-то торта, подошел к их столу и сел на свободное место тот самый блондин, который присоединился к Асиному

танцу. Сейчас он был одет уже по-спортивному и выглядел еще более привлекательно.

Ася была крайне не рада такому соседству, но ничего не могла сделать, чтобы избавиться от него, потому что здесь все садились на свободные места, а их уже к этому времени почти не было.

Ася уткнулась глазами в тарелку и лениво разбирала вилкой сладкие «сокровища» в своей тарелке.

— Ну, раз уж круизная судьба свела нас за одним столом, — начал незнакомец, совершенно не реагируя на Асино равнодушие, — согласно этикету мы должны хоть о чем-то, но все же говорить. А то нет ничего тягостней молчания за столом. Ведь стол — это не только место для потребления пищи, но еще и место для разговоров, общения. Так вот, чтобы начать общение, хочу спросить: кто же посмел оставить в такой час такую красивую женщину одну?

— О Боже! Вы, наверное, юрист. Это про юристов в Одессе говорили, что у них еще несколько дней после смерти язык болтается по инерции, потому что у них рот не закрывается никогда, — сказала Ася иронично.

— Я не юрист, но гуманитарий. И то, что вы сказали, можно отнести ко всем гуманитариям. — Он дружелюбно улыбнулся, дав понять, что и не думал обижаться. Это подкупило Асю и она уже

серьезно ответила:

— Я не одна, а с мамой.

— А вот я действительно один. То есть не один, а с братом с женой и его друзьями, так что — пятый лишний. Старший брат с его женой уговорили. Конечно, все любопытно здесь, но мне лично как-то невесело. Целый день истребляй пищу, каждый вечер эти шоу с красотками в перьях. Как-то, знаете, это не по мне.

— А вы откуда же сами, что вам все так не нравится здесь? — прервала Ася, чтобы сменить тему.

— Я из России, а вы?

— Я из США.

— А, ясно, эмигрантка.

— А это плохо?

— Ну почему же, каждый имеет право жить, где ему нравится.

— А вы, что ли, прямо из России?

— Именно так.

— Это здорово, что россияне, да еще такие молодые, как вы, могут себе позволить такой дорогой круиз. Это прекрасно.

— А что тут удивляться. Видать, вы давно уехали из СССР. Сейчас Россия — другая страна. И в ней немало людей, которые могут себе это позволить.

— Так вы что, тот самый «новый русский»?!

А почему пиджак белый, а не красный? — Ася рассмеялась, чтобы превратить весь их разговор в шутку.

— Нет, я не новый русский, я новейший русский.

— Да-а? И такое бывает? А в чем отличие?

— А в том, что новые русские богатели от того, что хватали. А новейшие, потому что заработали. Да, именно так. Я все зарабатываю честным трудом, горбом своим.

Ася шутливо приподнялась, якобы для того, чтобы через его голову разглядеть горб на спине.

— Ну, горба, допустим, не видно.

— Это неважно. Важно то, что в свои тридцать пять я абсолютно независимый человек и могу себе позволить все, что хочу. Ну, в пределах разумного, естественно.

— А что, например?

— А то... Вот вы — цыганка, по крайней мере, в этом одеянье, вернее, в этом образе, который вы сегодня публично, так сказать, представили... Ну что за цыганка без украшений. Вот пойдете в здешний ювелирный, я вам накуплю всего. Он работает круглосуточно и открыт. Пойдете.

— Да? А что! За слабо?

— Да, за слабо! — Он встал, поднеся свою руку к ее локтю, призывая встать и последовать за

ним.

— Ну неужели вы всерьез? — Ася расхохоталась. — Во-первых, спасибо, конечно! Во-вторых, у меня есть все, что нужно для этого круиза. Но давайте о серьезном. Вы мне ответьте, если не секрет: чем вы занимаетесь, на чем заработали свои капиталы...

— Я, например, имею сеть промтоварных магазинчиков. Дело поставлено хорошо. Правда, вкалывать приходится... Но так это ж для себя. Есть стимул. Приедете в гости, я вас на «БМВ» или на «мерседесе» покатаю.

— Да? — засмеялась Ася. — Может, подумаю.

— А вы не думайте. Выходите за меня замуж, и поедемте вместе. Там сейчас интересно жить.

Ася чуть не подавилась пирожным. То, что произнес незнакомец, было так нагло, нахально, что нужно было его либо грубо прогнать, либо все превратить в шутку. Она выбрала второй вариант, так как не хотелось оставаться одной, и к тому же этот парень у нее пробудил чисто спортивный интерес.

— А почему вы такое говорите? Разве вы не видите, что я не одна? — сказала она игриво, чтобы он понял, что она и не подумала отнестись к его словам серьезно.

— Но вы же не с мужем?

— Почему вы так решили?

— Не решил, а знаю! Этот холеный мужчина не муж ваш. И мужем вашим не будет!

— Это любопытно, а почему?

— А потому... Знаете... — парень начал говорить медленно, словно стараясь подбирать наиболее точные слова. — Ну, во-первых, давайте познакомимся. Меня зовут Андрей, а вас — Ася!

— А откуда вы знаете мое имя? — удивилась Ася.

— Я случайно услышал.

— Значит, Андрей! Ну, слушаю вас, ясновидящий вы наш.

— Нет, я не ясновидящий. — Андрей рассмеялся. — Я — яснопонимающий, потому как это моя профессия — понимать души людей. Дело в том, что по профессии я психолог, вернее, психоаналитик, причем, имейте в виду, — с университетским образованием. И, кстати, сейчас моя профессия очень востребована в России.

— Да? И кем в первую очередь: новыми русскими, новейшими или старыми?

— Вообще-то, Ася, это слишком серьезно, чтобы говорить об этом в шуточной манере. Но я понимаю, что сама обстановка не располагает к серьезным разговорам. Но прежде чем ответить на ваш вопрос, я просто расскажу, чем я занимаюсь, чтобы у вас было доверие к моим словам. Почему в

России востребована моя профессия сейчас?

Ну, если коротко, то не нужно быть специалистом-аналитиком, чтобы понять, что переходный период, который переживает страна со времен перестройки, изменения в социально-экономическом положении людей не могут не отразиться на психологическом состоянии, как на уровне социально-психологическом (имеется в виду психология групп, населения в целом), так и на уровне индивидуальном.

Например, в начальном этапе перестройки, когда еще ничего не изменилось в содержании образа жизни людей, но изменялось позитивно настроение людей в связи с надеждами, которая внушала перестройка, уровень самоубийств резко упал.

Начиная с 1988 года, когда начались разочарования, первые пробы частного бизнеса, который, как понятно, не всегда кружит голову от успеха, показатель уровня самоубийств вновь начинает расти, и в 1994-м количество самоубийств возрастает чуть ли не вдвое. А главной причиной самоубийств являются депрессии. И еще интересно: было принято считать, что депрессии, самоубийства — это «привилегия» богатых слоев общества.

Однако международная статистика это опровергает. Среди покончивших жизнь самоубийством удовлетворенных материальным

положением 44 %, неудовлетворенных — 56 %... Уровень жизни и количество самоубийств не связаны между собой. Не буду утомлять вас статистикой, но она есть, и очень показательная.

— И вы все это держите в голове, всю эту статистику? — спросила Ася с искренним удивлением.

— Ну, во-первых, я не всю статистику держу в голове. Просто я много читаю литературы, изучаю данные исследований, чтобы на их основе строить свою стратегию помощи людям.

— И чем же вы как психолог помогаете им? — спросила Ася, сдерживая прорывающуюся иронию.

— У меня небольшая школа, — ответил Андрей, делая вид, что воспринимает Асин вопрос как что-то ее интересующее всерьез. — У меня школа психологической помощи. Я работаю с постоянной группой в течение определенного времени до тех пор, пока не вижу, что они полностью выздоровели, готовы с достоинством преодолевать трудности, веря, что никакие невзгоды не стоят того, чтобы за них платить жизнью.

Я их всех заставляю выучить наизусть и каждый день, как молитву, повторять слова американского философа Джорджа Сантаяна: «Жизнь стоит прожить, и это утверждение является

одним из самых необходимых, поскольку если бы мы так не считали, то этот вывод был бы невозможен, исходя из жизни как таковой»... — Он посмотрел Асе в глаза и, увидев ее явное невнимание к тому, что он говорит, перешел к главному, ради чего она достаивала его вниманием. — Скажу то, что обещал: о вашем спутнике. Сразу видно, что вы ему не жена, потому что на жену, даже в которую влюблен, так не смотрят.

— А как он на меня смотрит? — загорелась любопытством Ася.

— Понимаете, муж на жену смотрит как на свою собственность, даже если его чувство не притупилось привычкой. А на «подругу», так скажем, даже если долго с ней совместно проживает, он не может смотреть как на собственность, потому что она ничем формально не пристегнута, значит, может отстегнуться, выскочить из кармана. В любое время. А это требует самоконтроля, который отражен во взгляде. Вы вашему «бой-френду» бесспорно нравитесь. Вы не можете не нравиться! Он влюблен в вас. Но он не женится на вас, потому что вы будете для него источником беспокойства. Вы моложе его, вы красавица. Очевидно, он уже был женат и жил рутинной семейной жизнью. С одной стороны, она ему надоела, а с другой — он именно к такой жизни

привык.

Он интересный мужчина, видно, зажиточный, и может себе позволить зажить заново, интересно. Но за это он не будет платить своим душевным комфортом и спокойствием. С вами у него такого покоя и свободы не будет. Даже если вы не будете ему подавать повод для ревности, даже если он на сто процентов будет уверен в вашей любви к нему и порядочности, вы будете доставлять ему дискомфорт тем, что на вас обращают внимание.

Знаете, я сейчас не говорю о мужчинах ревнивых, неуверенных в себе и в своих женщинах. Я говорю о тех, кто уверен в себе и в своих спутницах. Так вот, среди них я выделяю две основные категории. К первой отношу мужчин, которые гордятся, когда на их жену, подругу обращают внимание другие. «Мол, завидуйте!». За это они еще больше внимательны к своим спутницам, относятся к ним с уважением. Ко второй категории отношу тех, которые каждый взгляд на свою жену воспринимают как оскорбление. Оскорбление себя, мол, «как это так, с ней рядом Я (!), а кто-то смеет на нее смотреть».

Ваш друг — из второй категории. Я видел его взгляд, когда я вас пригласил на танец, я видел реакцию на его лице, когда вам посылал взгляды восторга капитан. Вашему другу это было, мягко говоря, неприятно, и он с трудом сдерживал

внутреннее раздражение.

Ася слушала, все более убеждаясь, что этот прозорливый незнакомец говорит то, что она сама чувствует. От этого у нее само по себе, помимо ее воли, стало падать настроение, что порождало внутреннее раздражение в адрес Андрея. И это состояние вылилось в соответствующей тональности ее реакции.

— Послушайте, Андрей, — сказала она, сменив дружелюбную веселость на ироничность: — Может, вам карты, и вы гадалкой поработаете, прямо здесь... Я дам объявление по радио, и сразу очередь выстроится, уверяю вас! — Ася рассмеялась.

Андрей понял, что этой бравадой Ася скрывает, что его слова недалеки от того, что она сама чувствует, и, чтобы увести разговор, игриво сказал, словно не слыша ее слов:

— А знаете, Ася, о чем я еще мечтаю. Я мечтаю написать пьесу. Одну единственную, как Грибоедов. И может, ею и прославлюсь. — Он так расхохотался, что даже опрокинулся на спинку стула. — Да-да. И знаете, как эта пьеса будет называться? Она будет называться «Горе от красоты».

Вот у меня была одна пациентка. Женщина необыкновенной красоты. И вот у нее все горести были от ее красоты... Знаете, бывают семьи, где все

некрасивы внешне, и родители, и дети. Так бывает. Я говорю о такой именно семье.

И вот парень из такой семьи влюбился, долго добивался очень красивую девушку... Много-много лет. Он был хорошим, образованным, веселым, и она решила, что именно с ним она будет чувствовать безопасность и защищенность в жизни. Знаете, по девизу, — он рассмеялся, — «Зачем вы, девочки, красивых любите?» Она переехала жить в его семью... И тут начались все ее несчастья.

И он, и его семья сразу же поставили бедную красавицу в положение всегда в чем-то виновной, в чем-то грешной. Они все время ее грызли за что-то плохое, что они от нее непременно ожидали или что она уже, по их подозрениям, совершила, считая, что она на это способна из-за ее красоты. Ее жизнь превратилась в ад. Она постоянно должна была оправдываться не только в том, что не совершила, не могла совершить, но даже в том, что ей в голову не могло прийти. Ее довели до того, что она решила наложить на себя руки. И тут она попала ко мне и спаслась. — Андрей, поймав взгляд Аси, спросил игриво: — Вы приедете на премьеру моей пьесы?

Ася только улыбнулась, дав понять, что устала от его рассказов. К тому же ей пришла в голову мысль, что раз мама задерживается, то, вероятно, пытается вытащить все же Майка с Бобом. Сказать Андрею, чтобы он пересел за

другой столик, неудобно. Но еще хуже, если Майк застанет ее за столом с мужчиной, к которому явно приревновал. Ася резко встала, чтобы не дать Андрею опомниться, сказав:

— Извините, Андрей, похоже, меня чуть укачало. Ведь сегодня все-таки качка, да еще эти сладости... Я как-то неважно себя почувствовала. Я выйду на палубу.

— Может, мне с вами?! — испуганно и даже раболопно спросил Андрей, также вскочив со своего стула.

— Нет-нет, ни в коем случае, пожалуйста. Я вас очень прошу.

На палубе никого не было. Ветер вздымал волосы и юбку. Нервная морская пучина внушала страх. Хотелось вернуться назад, но нельзя себе позволить снова сесть за тот же стол, где Андрей наверняка ее ждет. Вдруг она почувствовала чье-то легкое прикосновение к ее плечу. «Майк», — мелькнула приятная догадка. Но, повернувшись, она увидела Андрея. Весь его подобострастный, смущенный, как у школьника, вид вызвал у нее раздражение и даже злость. Она не нашла слов и взглядом выразила недоумение и недовольство.

Андрей, у которого ослепление влюбленностью атрофировало талант психолога или верх взяла одержимость завоевать Асю, ухватил ее за плечи:

— Ася, Ася, я за вами слежу с первых часов, как нас объединил этот пароход. Это и есть любовь с первого взгляда. Я все для вас сделаю, я все могу, Ася!

Ася вся дрожала от неприязни к Андрею и страха, что вот-вот появится мама, еще хуже — Майк. Злость и даже ненависть к Андрею вскипятили ее нервы. Она выбиралась из его объятий и лихорадочно соображала, что бы такое сказать очень коротко и быстро, чтобы как можно скорее избавиться от него...

— Мальчик, — выплеснула она, глядя на него в упор искрящимися злостью глазами. — Мальчик, ты, что ли, в Америку захотел?!

Андрей резко отстранился, пронзительным взглядом, полным отчаянного, похожего на испуг удивления, глянул на Асю и, как от чего-то страшного, гадкого, рванул вдоль палубы к лестнице, ведущей на нижний этаж.

* * *

ИНГА встала с постели раньше обычного. Саша, как предупредил накануне, поехал на несколько часов в университет для каких-то дел. Она вышла в сад, чтобы освежиться перед работой по подготовке новогоднего праздника.

Она прислонилась к стенке фасада дома,

подняла к небу голову и закрыла глаза. В этом теплом штате снега почти никогда не бывало, но она так хотела погрузить себя в предновогоднее настроение, что ностальгические воспоминания о Новом годе в России, в Сибири словно перенесли ее туда и она физически начала ощущать запах снега, и ей даже показалось, что она ощутила свежесть на лице от растаявших снежинок. Память унесла к бедному раннему детству, убогой полуподвальной квартире, в которой родители умудрялись устраивать праздник елки. Накануне мама целый день, так, чтобы дети не видели, строчила на старом «Зингере» кульки из бумаги и пекла коржики из муки и воды с маком. Бабушка, которая жила в этом же дворе с семьей маминой сестры, тоже что-то делала целый день, всячески скрывая это от внуков.

Утром 31-го, когда они с сестрой просыпались, их глазам открывалась огромная, едва уместяющаяся в их единственной десятиметровой комнате нарядная елка, которую якобы принес Дед Мороз из заснеженных далей сквозь бесснежную одесскую слякоть в их дом. А вечером, за несколько минут до полуночи, когда вся семья уже сидела за столом, папа вдруг начинал жаловаться на зубную боль и уходил якобы к зубному врачу. Только он уходил, раздавался стук в дверь и появлялся в красном халате, отороченном ватой-снегом, в красном колпаке, с бородой и усами, в валенках, с

мешком на плечах Дед Мороз. Хоть его голос был похож на папин, хоть валенки были похожи на те, что лежали в сарае у бабушки, хоть кульки-подарки и коржики в них были похожи на те, что мама готовила накануне, но все равно это был настоящий Дед Мороз. Веселый, добрый, с подарками.

Это первый новогодний праздник в Америке, который она будет праздновать у себя дома, так как обычно они в эти зимние праздники куда-то уезжали... Но, несмотря на это, они всегда устанавливали нарядную елку, чтобы она радовала после возвращения после новогодних путешествий...

Но в этом году елка уже должна была играть свою подлинную роль — роль главного участника предстоящего праздника с гостями.

В Америке Новый год не наделяется тем таинством волшебства, как в России. Здесь основной «елочный» праздник — это Рождество. И елка называется не новогодней, не «New year's tree», а рождественской — «Christmas tree».

Именно поэтому елку ставят в тех домах, где придерживаются христианских традиций. Однако многие соотечественники, которые не могут и не хотят отказываться от самого любимого в прошлой жизни праздника, все же елку устанавливают, но часто сразу после праздника Рождества, который

празднуют за неделю до Нового года.

Рассматривая свою елку, Инга вспомнила недавно прочитанный в американском русскоязычном издании очень смешной рассказ Александра Гениса «Атеисты», где описывается, как двое братьев-евреев, эмигрантов из бывшего СССР, решили отмечать Новый год с новогодней елкой. Они жили в Бруклине, где соседи-евреи елку считали «неуместностью христианской флоры» в этом районе. Тогда братья решили, дождавшись сумерек, отправиться за елкой в другой район, и, приобретя ее, экипировали в пальто одного из братьев, из-за чего со стороны издали напоминали убийц, а вблизи — сумасшедших... А назло соседям один из братьев по субботам жарил картошку на свином сале, злорадно открывая окно, выходящее на ближайшую синагогу.

Сейчас, вспоминая этот рассказ, Инга начала громко смеяться, как при его первом чтении, и даже постеснялась саму себя. Кто бы глянул в окно, решил, что здесь живет сумасшедшая, — подумала она и в веселом расположении духа принялась за работу.

Так получилось, что из приглашенных профессоров кафедры — американцев не все обещали прийти из-за приезда к ним родственников. Некоторые уезжали сами на самую удобную для отпуска (из-за насыщенности

выходными) неделю между Рождеством и Новым годом, что очень распространено в Америке. Поэтому по совету жены Саша пригласил русскоязычных сотрудников других кафедр университета, с которыми им периодически приходилось где-то пересекаться на университетских мероприятиях. Таким образом, набиралось человек шестнадцать — восемь пар, из которых половина русскоговорящих. И потому Инга решила устроить именно «русский» Новый год, чтобы показать американцам праздник в подлиннике, да и самим русскоязычным вспомнить добрые новогодние традиции.

Накануне она целый день трудилась, готовя традиционные «русские» закуски и, конечно, соответствующий интертейнмент (развлечения). Прежде всего, фильм «Ирония судьбы, или с легким паром». Инга решила, что в этом фильме все настолько наглядно, что даже если бы он был немым, в нем все можно понять. Поэтому, по ее представлениям, американцам этот фильм будет не менее интересен. Кроме того, она подготовила кассету с шоу клоуна Полунина «Снег», чтобы заполнить развлечениями всю новогоднюю ночь.

К одиннадцати часам вечера они с мужем уже поглядывали на часы в ожидании прихода гостей. На Инге был специально купленный к этому празднику серебристо-серый костюм (длинная

прямая юбка и свободная кофточка-разлетайка), который ей шел к лицу и придавал фигуре стройность, скрадывая излишки веса. Осуществленная накануне, впервые за последние пять лет, перекраска волос в присущий им черный цвет придала ее лицу прежнюю белизну, выделяя красоту ее сине-зеленых глаз. Она чувствовала себя красивой, легкой, помолодевшей и с приподнятым настроением расхаживала по гостиным, столовой — всем комнатам, где были запланированы новогодние мероприятия на протяжении всей ночи.

К назначенному времени явились одновременно три русскоязычные пары. Они излучали истинно российский новогодний эмоциональный подъем, и казалось даже, что у них щеки были разруганы новогодним российским морозом. Красочно обернутые свертки они сложили под елкой, рассматривая ее, расхваливая красоту украшений и вкус хозяйки.

— У нас сегодня типичный «российский» Новый год! — сказал весело Саша. — Это Инга постаралась и обещала нам много всяких сюрпризов.

— Неужели и салат «оливье», и фильм «С легким паром...»? — спросил, потирая руки, профессор Василевский.

— Именно так, — засмеялась Инга, немного обескураженная прозорливостью гостя, в одночасье

лишившего таинства приготовленные ею сюрпризы. Но, не подав вида, она весело продолжила: — Сегодня никаких аперитивов. Вот придут остальные гости, и сразу за стол, будем провожать старый год.

В это время раздался звонок, и Инга, сияя радостью, подошла к двери, за которой были слышны веселые голоса. Она открыла дверь, произнеся восторженно:

— Welcome (Добро пожаловать)! — И, когда среди гостей увидела Болтунских, приложила немало усилий, чтобы сохранить восторженную улыбку.

Хозяева проводили гостей в столовую, где они с восторгом рассматривали и нахваливали красоту убранства стола, закусок, шутили, кто на русском, кто на английском, хохотали, настроенные на беззаботное веселье.

Саша, не садясь, стал разливать всем напитки, пояснив американцам, что, по российской традиции, нужно проводить старый год и выпить за все хорошее, что в нем было.

Гости наперебой вставали, делясь воспоминаниями о серьезных и смешных моментах уходящего года, и произносили тосты.

Саша после очередного тоста встал, по-русски постукивая по бутылке ножом, сказал по-русски и сам перевел свои слова на английский:

— Друзья, пожалуйста, прошу не напиваться! — Эти слова вызвали громкий хохот у американцев, поскольку применение к ним слова «напиваться» — уже само по себе парадоксально и смешно. — Моя жена Инга приготовила обширную развлекательную программу на всю ночь. Так что берегите силы. А поскольку вечер только начался, я предлагаю все же выпить по-русски водочку. И я вас научу, как это надо делать.

Он разлил всем «Столичную» в небольшие хрустальные рюмки, каждому в тарелочку положил кусок соленого огурца и черного хлеба. Затем, опрокинув в рот рюмку и перевернув вверх дном, продемонстрировал, что полностью опустошил ее, занюхал черным хлебом и закусил огурцом. Американцы весело подхватили инициативу хозяина и начали хвастаться друг перед другом тем, насколько точно у них все получилось. Это усилило накал веселья до такой степени, что уже затаилась угроза пропустить наступление Нового года.

Чтобы этого избежать, Инга заранее на буфете в столовой предусмотрительно установила переносной телевизор, который был включен без звука и демонстрировал картинки празднования Нового года на планете. Сейчас она непрерывно поглядывала на экран, чтобы не пропустить момент наступления Нового года в здешнем часовом поясе.

Шампанское уже было разлито, и за несколько

секунд до двенадцати она включила на максимальную громкость телевизор, который показывал улицу, где ликующая толпа открывала шампанское под грохот фейерверков. Все гости дружно встали, чокнулись бокалами, целуя и поздравляя друг друга.

Время перевалило за час ночи, гости доедали горячее, и Инга сказала по-русски, а затем перевела свои слова на английский.

— Я подготовила обширную развлекательную программу, в том числе традиционный русский новогодний фильм. Фильм очень веселый, — обратилась она к американцам. — Вам, уверена, он понравится. Его легко понимать, но мы все вместе будем помогать переводить на английский. Еще есть кассета с замечательным шоу, которое смотрят с восторгом во всем мире. Оно понятно на всех языках. — Инга себя прервала и рассмеялась. — Так для чего я все это так долго говорю. А чтобы предупредить, что нам предстоит еще долго сидеть. Потому я подготовила танцевальные мелодии, и давайте сначала потанцуем. Во-первых, чтобы сжечь калории. — Все дружелюбно и солидарно рассмеялись и захлопали в знак одобрения. — Во-вторых... Ну что во-вторых, и так ясно: танцы — это веселье. О'кей?

— О'кей, о'кей, гуд айдеа (хорошая мысль)! Замечательно, здорово! — воскликнули

американцы и русские, выходя из-за стола и направляясь в гостиную к елке.

Главная елка стояла в углу. И еще Инга принесла маленькую, не менее нарядную, но искусственную елочку, поставила ее на принесенный из спальни белый кожаный пуфик, установив посредине комнаты, и всем предложила, взявшись за руки хороводом, спеть «В лесу родилась елочка». Она пересказала сюжет песенки, американцы, подхватывая на ходу непонятные им звуки, вторили русским, и радостный веселый хоровод получился неплохо слаженным. После этого спели их традиционные песни, типа «Джингл Белз» и другие.

Инга включила музыкальный центр, и зазвучали танцевальные мелодии.

— Ты молодец! Замечательно все придумала, — сказал Саша, пригласив жену на танец. — Смотри, а американцы-то как кайфуют. Видно, что они просто в восторге от праздника.

— Да, — сказала Инга, не скрывая удовлетворения своей затеей. — Знаешь, правы те, кто утверждает, что люди все одинаковы. Вот смотри, ну чем мы отличаемся от них сегодня? А ничем. Нам и им хорошо от одинакового.

— Ну ты со своим философствованием никак не расстанешься, — сказал шутливо Саша. — Хотя я с тобой согласен. А праздник идет лучше, чем

ожидал. Ну вот, видишь, и Болтунский не помеха Я же видел, как ты расстроилась, завидя его.

— А что с ним, уж очень он необычен сегодня, — спросила Инга.

— Да, у него дела не очень хороши. Его босс, профессор, предупредил, что на следующий год может не быть на кафедре денег на его зарплату. И если Толя вынужден будет уйти, он окажется в ужасном положении. Жена его не работает и не собирается, как ты знаешь. Ему осталось еще два года, чтобы заработать необходимые кредиты для получения хоть минимальной пенсии «social security» (социального страхования), он еще не достиг возраста, когда ему будет полагаться медицинская страховка по старости, «medicare». Словом, его положение может оказаться ужасным. За эти годы он получал так мало, что ни о каких сбережениях не может быть и речи. Он почти в панике. Лихорадочно рассылает резюме в университеты, но ниоткуда ему даже намек на приглашение не приходит. Так что сама понимаешь...

Ингу тронуло сочувствие мужа к своему неудачливому соотечественнику. Она приблизилась к мужу вплотную, чтобы поцеловать его. Но то ли осознала неуместность этого жеста, то ли какой-то внутренний голос внушал какие-то неведомые еще, неосознаваемые внешне ощущения, которые не

позволили ей исполнить спонтанный порыв. Поэтому до конца танца она держалась на расстоянии целомудренной девицы, стесняющейся любых, даже случайных прикосновений...

— Ну как, десерты будем потреблять здесь, на этом этаже, в столовой, или этажом ниже, в кинотеатре вместе с кино или шоу? — спросила Инга, когда время, отведенное ею для танцев, истекло.

— Конечно, здесь, — закричали русские гости. — А то можем не успеть все посмотреть.

— Но может, начнем с шоу? «Иронию судьбы» все же мы все видели... А вот Полунина я лично не видел, — сказал профессор Василевский.

— Пожалуй, вы правы, — сказала Инга, дружелюбно похлопав гостя по плечу. — Тогда вы пока еще танцуйте, а я спущусь, настрою видик и сервирую там сладкий стол.

— Саша, — обратилась она к мужу, — пойдем, поможешь мне там все подготовить. И главное — снеси вниз самовар и кофеварку.

— А давай я тебе помогу, а Саша пусть гостей пока занимает, — вдруг подскочил угодливо Болтунский.

— Да-да, правильно, спасибо, Толя, — подхватил Саша и пошел с Болтунским в кухню, чтобы дать ему в руки самовар.

Инга уже находилась на нижнем этаже в

большой гостиной, которая была оборудована под домашний кинотеатр. Это была большая, уютная комната с камином, кроме потолка, вся (пол, стены) отделанная деревом. В дневное время комната освещалась стеклянной дверью, ведущей во дворик. Но этого света было недостаточно для живых цветов. Потому по углам, кроме одного, где стоял телевизор, в больших красивых китайских вазах стояли искусственные деревья, которые невозможно было отличить от натуральных. Сейчас на их кроны были наброшены зеленого цвета электрические гирлянды, обретавшие при их включении причудливые формы.

Инга зажгла поленья в камине, достала из холодильника десерты, разложила на красивые фарфоровые блюда из сервиза, которым был сервирован чайный стол.

Она еще пребывала во власти неутомного веселья во время застолья и танцев и, сама себе улыбаясь, с наслаждением сервировала стол. Когда эта работа была закончена, Инна всюду выключила свет, и комната, освещенная только электрическими гирляндами и камином, приобрела вид волшебного царства. Она подошла к лестнице, чтобы подняться вверх, и оказалась лицом к лицу со спускающимся с самоваром в руках Болтунским.

— Инга, скажи, куда это поставить? — спросил он.

— А вон туда, прямо на стол. И сразу включи.

— Ясно! А праздник удался на славу. Ты молодец, Инга! Говорят, талант, он талант во всем.

— Ну ладно, ладно, Анатолий, смотри не перехвали. — Инга, неожиданно для себя проникнувшись жалостью к этому человеку, излучающему неустроенность, неудовлетворенность жизнью и подавленность, спросила с оттенком теплоты в голосе: — Что-то ты сегодня не такой, как всегда, Толя. Но помни: что бы ни было — жизнь прекрасно. И все будет о'кей!

— Да-да, Инга. Конечно, — сказал угодливо Анатолий. — Но сытый голодному не верит. Твоему мужу повезло. Он не знает, что такое сидеть на грантах, не зная, что тебя ждет завтра... Не знаю, может, мне вернуться в Россию. Устал я... Вот приедут эти русские, я с ними поговорю, все узнаю.

— А какие русские? — спросила Инга, почувствовав, что ее начало трясти.

— А ты, что ли, не знаешь? Тебе Саша не сказал? В середине января снова приезжает та же команда. Парни всего на несколько дней, а Светлана на целый год, а может, и больше.

Инга уже не слышала, что говорит Болтунский. Даже не извинившись из вежливости, она стремительно помчалась по лестнице вверх и, уже не обращая внимания ни на кого в гостиной, проскочила в спальню, чтобы закрыться в ванной.

ГЛАВА 3

— Что ты лежишь, отвернувшись от меня! Пожалуйста, умоляю. У меня уже нет сил от рыданий. Пожалуйста, пожалуйста, сжался надо мной! Неужели тебе не жаль меня.

— Оставь меня в покое, ты мне не нужна.

— Но ведь мы не сможем друг без друга, столько всего пришлось пережить вместе, через столько пройти...

— Да, мы через многое прошли вместе, многое преодолели, много достигли. Но чего это стоило? Ведь наша с тобой жизнь — это бесконечная война! Мне хотелось покоя, стабильности, иногда просто отдыха, ничегонеделания, а ты... ты же покоя не давала... ты вечно куда-то стремилась. Тебе всего было мало, ты всегда что-то хотела...

— Так ведь это хорошо, что мы бывали в разладе — это стимулировало к развитию нас обоих. Мы порой совершенно разное любили, разного хотели... Это естественно. Но это было стимулом к самосовершенствованию нас обоих. Но разве тебе это не приносило пользу? Всегда быть в форме, сохранять активность. Разве не есть в этом и моя заслуга? Да, я тебя теребила, заставляла быть в постоянном поиске, разве это

не стимулировало тебя? А любовь... Разве мы не познали с тобой настоящую любовь.?

— Уходи, умоляю, не сыпь мне соль на раны...

— Ах, «не сыпь мне соль на раны...» Где, где они, твои раны? Нет ни одной царапины, как в масле катаешься. Вот я вся изранена, а держусь, держусь, хочу держаться, потому что люблю жизнь! Я хочу любить.

— Ну и люби себе без меня, а я тебе на что? Мне не до чувств сейчас. Мне плохо, все болит, особенно сердце.

— Я понимаю, понимаю... почему у тебя болит сердце. Но если ты его вновь наполнишь мной, наполнишь живительными соками любви, оно вылечится. Подумай, и ты поймешь, что не сможешь жить без меня, так же, как и я без тебя.

— Но пойми: в моей нынешней жизни нет пространства для тебя, я не знаю, что с тобой делать, ты лишняя, понимаешь? Лишняя!!! Прими достойно эту правду, и не надо рыдать! Мне жаль тебя, я помню все хорошее, что ты для меня сделала, все прекрасное, чем ты меня одарила, но сейчас, сейчас ты лишняя, для тебя нет места в моей жизни. И уходи, уходи, я не могу тебя больше слушать.

— Да, я тебя терзаю, но ведь это ради тебя же. Ведь ты превратишься в старье без меня.

— А какая разница: старье не старье? Мой

вид и мое присутствие никого не волнуют. Завтра я исчезну, никто и не заметит, даже не всплакнет.

— Ты ошибаешься, уверяю тебя.

— Я это знаю. Уходи, прошу тебя. Давай по-доброму разойдемся. Ведь посмотри вокруг, очень многие пары (как мы с тобой) рассыпались, и многие живут без такого партнера, как ты, очень даже неплохо. Может, еще лучше живут... никаких забот...

— Но мы-то не из тех, и ты без меня погибнешь. Это настоящий мазохизм. Изгнание меня для тебя равносильно смерти. Тогда зачем, зачем ты так поступаешь?

— А затем, что у меня нет ни средств, ни стимулов тратить на тебя... Ну что, что ты вся сжалась? Ты знаешь, что была главной в моей жизни. В нашем союзе тебе было отведено главное место.

— Нет-нет, Душа и Тело! Я снова должна вмешаться в ваш спор, потому что вы снова забыли обо мне. Тем более что в вашем случае я, Мысль, занимаю отнюдь не последнее место. При каждом шаге в этой жизни от меня требовалось немало работы. Так что ты, Душа, не преувеличивай свою роль. Да, ты была не на последнем месте. Но нередко, когда между тобой и Телом возникал конфликт, именно мне была отведена роль холодного, беспристрастного

арбитра. И не могло быть иначе! Чтобы чего-то достигнуть, нужно было укрощать запросы и твои, душа, и твои, Тело! Но нередко нам всем троим приходилось конфликтовать. Вы знаете, о чем я говорю... Да-да, о том... тогда, в те страшные дни, когда принималось судьбоносное решение... Наша война стоила многого нам всем тогда. Вы страдали и мучились. Вы настаивали на своем. Вы хотели любить. Это был тот случай, когда и ты, Тело, и ты, Душа, были в полной гармонии. Эта была любовь! Да, любовь ниспосланная откуда-то свыше. Недолгая, но стоило прожить жизнь, чтобы ее испытать! Тогда вы даже не могли бы ответить на вопрос: эта любовь была факелом, признанным освещать всю вашу дальнейшую жизнь, или, наоборот, яркой вспышкой света, после которой все обесцветилось? Я вам не была нужна вовсе, потому что мыслить, задумываться — значит окунуться в реалии бытия... А вы витали в облаках. Вы были за пределами реалий.

— Да, тогда мы боролись друг с другом, боролись жестоко. Был момент, когда моя победа уже была близка... Но мы с Телом отступили вместе перед тобой, Мысль. Ты была непреклонна и заставила нас принести себя в жертву тем, кому мы не нужны сейчас.

— Так было судьбе угодно...

— Кому угодно, Мысль? Кому? Ты видишь, что с нами случилось? Телу ничего не нужно, оно мертво. Оно только потребляет пищу, жиреет.

— Я тебя понимаю, Душа, но помочь ничем не могу...

— Ты можешь, можешь. Пожалуйста, наполни эту пустую голову чем-нибудь. Пусть Тело хотя бы осознает, что его жизнь не кончена. Что пока оно относительно здорово, оно может вкушать радости и удовольствия жизни. Для этого ему нужно соединиться вновь со мной, Душой. И все заиграет по-иному. Я буду ему путеводителем. Мы еще все можем начать сначала.

— О чем ты говоришь? Какое-то там начало. Оставьте меня. Мне и ты, Мысль, тоже не нужна. Ты мне была нужна там, далеко, когда твоя работа приносила мне успех, признание. Мне было на что тебя употреблять. Все, что мне сейчас нужно — пища и какое-то бесформенное прикрытие... Это то, что есть суть моего существования, а оно близко к существованию того самого животного, о котором В. Г. Белинский говорил, что оно «не может сказать себе: мыслю, следовательно, существую»... Мое существование возможно без Мысли и Души.

— Но что же мне, Душе-то, делать, Тело? Ты

меня бросаешь, как Пигмалион Галатею. Так разве это не твоя заслуга в том, что я постоянно влюблена в жизнь, во все вокруг, что я так молода?

— Ну слушай, Душа! Разве ты не можешь жить без меня, самостоятельно? Твой век к тому же вообще несравним с моим, тебе еще жить и жить, может быть, всегда, никто не знает — может быть, всегда.

— Вот у тебя уже улыбка. Правда, ироническая, но все же... Я не знаю, насколько мой век дольше, но я хочу жить с тобой и не разлучаться с тобой, Тело! Мне не нужна жизнь без тебя... Ну, допустим, допустим, я полечу туда, где мы давно не были, или туда, где мы хотели побывать. Я могу это сделать без тебя, ты знаешь это. Но что же дальше?

— Ты можешь вернуться к прежней любви, ты можешь даже предаться ей, ты можешь жить ею. Ты можешь наслаждаться всем окружающим вокруг, цветами, музыкой, солнцем, воздухом — видишь, сколько у тебя возможностей. И все это ты можешь без меня. Ведь известно, что внешним проявлением ты реализуешь себя лишь малой долей. Основная твоя работа никому не ведома. Ну и работай себе совместно с Мыслью. Вы можете вместе испытать все, что заблагорассудится, окунуться в любые, даже невообразимые ситуации, предаться любви,

встретиться с кем угодно в прошлом, настоящем и даже будущем. Так зачем вам я?

— Так чего же ты плачешь, Тело? Выгоняешь нас и плачешь? А раз ты плачешь, значит, ты еще не порвала с со мной, Душой. Без меня слез не бывает ни у кого... Скажи, что мы можем сделать, чтобы вытащить тебя из этого оцепенения?

— Ничего не надо. И никто мне не нужен. Мне будет легче без вас. Быть с вами сейчас для меня — непосильный груз. У меня нет сил. Мне нужно только найти какой-то уголок, где бы спрятаться от всех, чтобы меня никто не видел и не слышал. И чтобы мне никого не видеть и не слышать. А вы теребите, теребите меня и сыплете соль на раны.

— Ты опять за эту соль... Где? Где твои раны? Это на мне, Душе, уже живого места не осталось...

— Никто и ничто в этом мире не ждет меня. А вы еще осложняете мою жизнь... Я не хочу ни тебя, Душа, ни тебя, Мысль, убирайтесь вон!

— Мы готовы принять любые оскорбления! Только мы должны тебя вытащить из этого оцепенения. Встань, мы настаиваем! Немедленно встань... Посмотри на себя, что с тобой стало. Ты же превратишься в скотину и будешь жить скотской жизнью. Ты даже уже не читаешь, даже

телевизор не смотришь. Ну да, зачем тебе все это, если ты от нас отказываешься. Ведь без нас, Души и Мысли, все это теряет смысл.

— Послушай, Душа! Я тебя, прежде всего, прошу: уходи! Прошу тебя, если ты не уйдешь и не оставишь меня в покое, я тебя вообще загублю!

— Ну, как это загубишь, свинья жирная!

— Я не желаю слушать твоих ругательств. Ты становишься злой грубиянкой, а мне это неприятно...

— Ах, грубой, ах, злой! А не ты ли и все окружающие всегда считали меня тонкой, нежной, доброй?

— Может, и было так когда-то... А сейчас ты уже совсем не та. Ну что ты меня терзаешь?! Ты хочешь меня доконать... Тебе ничего не поможет. Ты меня не вытащишь отсюда, убирайся вместе с Мыслью!

** * **

ИНГА отвела взгляд от иллюминатора. Самолет набрал высоту, и ощущение невесомости охватило ее. Невесомость! Невесомость! И опять, по вечно удивляющим, неведомым законам памяти, вспомнился урок физики, где-то в четвертом — пятом классе. Может, это даже был урок не физики, а какого-то первоначального введения в

естествознание, — сейчас уже трудно вспомнить, так давно это было. Да и самого урока она не помнила, помнила лишь облик учительницы, которая произносила: «Все в природе имеет вес, даже воздух...» А может, все было и не так, но память почему-то сейчас воспроизвела именно эти слова учительницы.

Да, все в природе имеет вес, а у меня его нет. Раз нет веса, значит, нет и меня, потому что то, что есть, имеет вес. Никому не нужно мое присутствие рядом, никому не нужны мои советы, мой опыт, мои переживания. Все, что есть я, — невесомо. Завтра исчезну, никто, по сути, и не почувствует моего исчезновения. О значимом человеке принято говорить: «он весомый», «имеет вес». А у меня его нет. Нет меня, ни души моей, ни тела моего. Они невесомы, потому что они никому не нужны, а может, не нужны потому, что невесомы?... Но ведь раньше, в той жизни, все было по-иному? Всегда была нужна, востребована?

«Да, почти восемь лет в Новом Свете. Кто бы мог подумать, что этот Новый Свет обернется такой темнотой для меня? Кто бы мог подумать? Мужу и в голову не приходит мысль пощадить меня, задуматься о моем одиночестве. Тот уровень жизни, который нам дает его профессорское положение, освободил меня от необходимости ринуться на любую работу, как многих эмигрантов, чтобы

бороться за выживание. Не нужно было идти в маникюрши, развозить пиццу или убирать чужие дома, — рассуждала Инга. — Но ведь не сдалась сразу, пыталась себя найти, как-то использовать свой багаж знаний в гуманитарной сфере?».

Пыталась публиковаться. В самом начале 1992 года, когда только приехали, случайно обнаружила в каком-то месте кем-то забытую русскоязычную газету. Написала статью по теме своей докторской диссертации — что-то связанное с социологическими аспектами глобализации. Подписала по привычке: «доктор философских наук», отправила с указанием своего адреса, телефона и тут же стала ждать благодарности «за осчастливливание» газеты своим «гениальным»opusом.

Но никакой реакции ни по телефону, ни письменно. Решила, что, возможно, уже материал опубликован, просто она не знает. И позвонила в редакцию по телефону, указанному в том найденном единственном экземпляре газеты, который у нее был. И состоялся такой разговор с редактором-мужчиной, говорящим по-русски с акцентом, который приобретают наши соотечественники после длительного проживания в Америке.

Инга: — Скажите, пожалуйста, вы мою статью получили?

Ред.: — Да, получили, но...

И.: — А что «но»?

Ред.: — У меня к вам вопрос: вот вы подписались: «доктор философских наук». Это значит, что вы защищали диссертацию?

И.: — Естественно.

Ред.: Так значит, ваша диссертация была просоветской, если вы философ.

Инга бросила трубку от гадливости. Статья была о глобалистике, нейтральная, об общечеловеческих проблемах в условиях глобализации. И если бы они сделали замечания по существу, ради первой публикации, чтобы увидеть свое имя хоть на любом печатном клочке, она готова была дорабатывать материал сколько угодно. А тут... Еще не хватало каяться, клеймить свою прошлую карьеру, в которой есть чем гордиться. «Так! С публикациями покончено раз и навсегда», — сказала она себе и выбросила статью, чтобы ее никогда не видеть.

«Это была ошибка», — сейчас думала Инга. В Америке масса русскоязычных изданий, куда можно было посылать работы... Но этот первый контакт вызвал такую брезгливость, что отбил всякую охоту что-то искать и вступать в контакты. Да и стимула особого не нашлось.

Приходила в университет на кафедру славистики. Но в этом крошечном коллективе все

напрочь занято и не очень стабильно из-за смены тематики, так как «советологические» исследования потеряли актуальность. Да и вообще Инга не почувствовала особого интереса к своей персоне. Вот что значит ходить с протянутой рукой.

А ведь тогда, когда приезжала с Сашей еще в командировку и встречалась с университетской публикой как гостя, приглашали на философские семинары, говорили комплименты, и казалось, только приезжай, и будешь нарасхват. А тут — абсолютное равнодушие, ни одного вопроса, ни малейшего желания вступить в разговор, потому что, если б даже кафедра не сокращалась, а расширялась, где-то есть «неписаная очередь» более молодых и жаждущих зацепиться бывших советских гуманитариев, которых столько понаехало в перестройку.

Так и смирилась с ролью домохозяйки, профессорской жены. А эта домохозяйская жизнь привела к тому, что она не обрела никаких личных знакомых, не говоря о друзьях. Все ограничилось жизнью мужа. Никого нет, ни родственников, ни личных друзей в этой стране. Разве что Нонна.

Первое время до Инги доходили сигналы о том, что Нонна знает о ее приезде в Америку, даже выражает удивление, что подруга не выходит с ней на связь.

«Вот бы с кем сейчас поделиться, — подумала

Инга. — И может, если б я ей позвонила сейчас, она бы откликнулась. Но тогда я совсем перестану уважать себя: мол, когда мне было хорошо, подруга не нужна, а когда плохо...»

Наделенная недюжинным умом, Инга никогда не позволяла себе забывать о том, что внешняя красота, которой ее щедро одарила природа (и о которой она неустанно заботилась, не давая себе ни в чем поблажек), — вещь преходящая, а карьера, любимая работа, усилия по созданию прочной стабильной семьи всегда могут оградить от ощущения ненужности. Именно ненужности она более всего в жизни боялась. У нее было даже свое определение счастья: «Счастье — это когда ты нужен тому, кто нужен тебе»... И вот, оказалась никому не нужной, значит, несчастной?

За все надо платить, — говорит народная мудрость. Так может, это мне расплата за мою тайную любовь, за наш кратковременный роман с Останговым? Решение об отъезде было принято в дни путча, когда дочь, уже живя в Америке, рыдала, что не сможет быть счастливой вдали от родителей. И кто знает, как бы сложилась судьба, если бы не отъезд? Да, я действительно была в отчаянье, когда сообщила Остангову об отъезде.

Сообщила тогда, когда могла осуществиться мечта о подлинном счастье, когда этот человек, олицетворяющий идеал во всем, сделал мне

предложение стать его женой и поехать с ним в Москву. Но мечте не дано было осуществиться. Выбор, predetermined судьбой, был сделан. Я уезжала. А то, что было между нами, было кратковременно, только между нами. Никто этого не знал. То, что было в моей душе, — это было мое личное, о чем никто не знал.

Душа фактически живет своей жизнью, и никто не вправе и не в силах в нее вторгаться. Наша внешняя жизнь лишь малая доля нашей внутренней жизни, в которую никто не посвящен. Самое интересное в нас не то, что мы проявляем внешне, а то, что внутри нас, поскольку невидимая жизнь свободна, она не связана ни с какими условностями, и там мы можем дать волю всем своим желаниям и пристрастиям. Порой внутренняя, невидимая жизнь вступает в противоречие с внешней и потому ставит нас в тупик или задает немало проблем.

Каждый из нас имеет эту свою внутреннюю, никому неведомую жизнь. И моя внутренняя жизнь в период «романа» с Останговым осталась моей внутренней жизнью, о которой никто не знал и которая никому (в том числе моей семье) не доставила страданий. В моей ситуации мое «преступление» и «наказание» замкнулись в моей душе и за пределы ее не вышли, потому никому неведомы, и от них никто не пострадал...

Но если даже верить в чудеса и предполагать,

что Саша тогда читал мои мысли, чувствовал, что со мной происходит, и теперь мстит мне, это нельзя назвать справедливым, так как ситуации совершенно разные. И расстановка сил совсем иная тогда и сейчас. Тогда, если б даже наш роман с Останговым зашел далеко, Саша мог легче справиться с драмой разлада (даже развода) потому, что он имел опору — свою любимую работу, которая занимала в его жизни не меньшее место, чем все остальное... Я же здесь ради семьи, а все, что за пределами ее, то, что всегда составляло важнейшую часть моей жизни: творческая жизнь, научная работа, друзья, коллеги — все осталось там. И что же делать?

Осознание такой безысходности положения человека с неуравновешенной психикой могло бы привести к самым трагическим решениям. У Инги же инстинкт самосохранения сработал таким образом, что крайнее отчаянье сменилось абсолютной опустошенностью внутри. Душа обледенела или исчезла вообще.

Она купила билет, чтобы полететь к дочери, с одним только желанием — не быть дома, не смотреть в глаза мужу. Ей хотелось «зарыться» в маленькой гостевой комнате дома дочери, чтобы ни с кем, ни о чем не говорить. Она придумывала разновидности плохого самочувствия, которыми будет оправдывать свое желание лежать одной и ни

с кем не общаться. Она не знала, что будет после посещения дочери, когда она вернется домой, она ничего не знала, ничего не хотела вычислять на будущее. Главное — это то, что сейчас, пока Аня еще не уехала, у нее есть убежище. Причина для дочери и окружающих вполне объяснимая и понятная: мать хочет подольше побыть с ее семьей перед их отъездом в Россию.

* * *

ЛИНА раздвинула шторы, и яркое «московское» солнце залило всю комнату веселым, радостным, даже, как ей казалось, торжественным светом. У нее было такое ощущение, что она как выпускница школы, получила аттестат зрелости и начинает самостоятельно осваивать мир. Она почти ничего не знала о нем, об этом огромном, разнообразном мире.

Все эти несколько дней в Москве в связи с подготовкой к поездке в Америку она пребывала в приподнятом настроении. Полтора дня, проведенные с Дániлой Ивановичем, словно совершили какую-то революцию в ее душе и теле. Лина, как теперь ей было ясно, впервые в жизни ощутила в себе женщину. Она всегда была матерью, женой, домоправительницей, а после смерти мужа добросовестным «учащимся» на

разных курсах, работником фирмы, но никогда не была женщиной как таковой... Она не успела ею побыть до замужества и не стала ею в семейной жизни...

И вот этот молодой мужчина, несмотря на то, что они так нелепо сошлись и расстались, совершил чудо, возродив ее. Лина стала по-другому смотреть на себя в зеркало, по-другому ходить по улице. Она чувствовала легкость и, если можно так выразиться, удовлетворенность своего тела, которое, словно ожив с помощью волшебного эликсира, играло каждой клеточкой и придавало необъяснимую радость душе.

С того новогоднего вечера она ни разу не пересекалась с Данилой Ивановичем, но постоянно ощущала, что все, что между ними произошло, никак не отразилось на ее работе негативно. Наоборот, она не могла не отметить, что ее положение в фирме только укрепилось. И это, прежде всего, подтвердилось теми полномочиями, которыми ее наделили в предстоящей поездке в США. Все ее контакты, связанные с командировкой, осуществлялись с вице-президентом Соколовым, с которым она сейчас находилась в Москве в связи с их предстоящей совместной поездкой.

Это был последний день перед вылетом в США. Лина приняла душ, надела черные

облегающие джинсы, такого же цвета свитер, причесалась, навела макияж и, прежде чем пойти в буфет на завтрак, позвонила сыну, чтобы попрощаться и поблагодарить за внимание, которым он ее одарил в свободные часы. Окрыленная добрыми словами своего любимца, она подняла трубку, чтобы позвонить Соколову.

Пятидесятипятилетний невысокий, худощавый Шота Валерьевич и внешним обликом, и поведением являл единство и борьбу противоположностей. Дитя русского отца и грузинки матери, он получил необычное сочетание имени и отчества, характеристик внешности, черт характера, манер общения с людьми. При его густой черной, с небольшой проседью гриве, «выдающемся» носе и огромных губах от матери, светлая голубизна глаз и белоснежная кожа отца казались случайным совпадением, из-за чего его можно было одновременно считать и красавцем, и некрасивым.

Его взрывной характер, который порой выплескивался криком и оскорблениями подчиненных по поводу любой, даже малейшей погрешности в работе, странно сочетался с задушевностью и теплотой, с которой он откликался на их нужды и проблемы, даже не связанные непосредственно с работой. Текущая в его жилах горячая кавказская кровь проявлялась не

только в каждом его движении, в каждой его позе, в манере разговаривать, но и в густом волосяном покрове его тела, который, как упрямые ростки травы между бетонными плитами, стремился наружу сквозь малейшую щелку между пуговицами на рубашке. И низкий, чрезмерно громкий голос никак не вязался с его невысоким ростом и худощавостью.

Про Шота Валерьевича говорили, что он где-то спяну высказался примерно так: «Мой принцип: нельзя соблазнять не только жену брата, но и сотрудницу аппарата». Поэтому ни одна из сотрудниц фирмы не была вовлечена в его амурные пристрастия, что, однако, не останавливало попыток некоторых «красоток» фирмы попасть в поле внимания темпераментного полукавказца.

Лина, как и большинство сотрудников, ценила Соколова за его высочайший профессионализм, за доброе отношение к людям, но так же, как и многие, побаивалась его из-за его непредсказуемости, потому что при любом обращении к нему можешь показаться себе либо абсолютным ничтожеством, либо гением... И это никогда не зависит от сути проблемы и ее решения. Определяющее здесь — только настроение Соколова на данный момент.

В течение этих нескольких дней в Москве они постоянно встречались в разных офисах по делам,

связанным с поездкой, и среди разных чиновников и сотрудников других фирм, их партнеров, он держал себя по отношению к ней достаточно деликатно и вежливо. Но это не избавило Лину от дрожи в руках, когда она взяла трубку, чтобы позвонить ему по своей инициативе.

— Алло? — услышала она голос Соколова, который, как ей показалось, выражал саркастический вопрос: «Мол, что и кому от него надо в это утро».

— Доброе утро, Шота Валерьевич! Это Галина Петровна, извините за беспокойство, — сказала Лина тоном виноватого человека.

— А, приветствую! — доброжелательно и даже весело ответил Соколов. — Ну что, завтра летим за океан? Машина за нами приедет в полшестого утра, я уже договорился.

— Вот в связи с этим я и звоню вам, Шота Валерьевич. Если я вас правильно поняла вчера, у меня сегодня свободный день, все бумаги готовы, и если это так, я хочу отправиться по магазинам за сувенирами. Если у вас есть какие-то поручения.

— Да-да, — перебил ее Соколов уже серьезно и деловито, — Галина Петровна, это хорошая идея. Покупайте побольше, поинтереснее, чтобы было достаточно для нас обоих. И не забудьте сохранить ярлычки, квитанции, любые документы, потому что все, кроме чисто личных подарков для друзей, если